

INSPIRIA

18+

СЕМЬ МУЖЕЙ ЭВЕЛИН ХЬЮГО

«Блестящая атмосфера старого Голливуда в сочетании с эмоциональной историей о начинающей репортерке и своенравной легенде кинематографа».

COSMOPOLITAN

ТЕЙЛОР ДЖЕНКИНС РЕЙД

INSPIRIA

Тейлор Дженкинс Рейд

Семь мужей Эвелин Хьюго

Серия «Novel. Частная история»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67479047
Семь мужей Эвелин Хьюго: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-167817-3*

Аннотация

Ведущая затворнический образ жизни легенда старого Голливуда Эвелин Хьюго объявляет, что готова представить публике свои мемуары.

Всю ее карьеру сопровождали загадки, сенсации и многочисленные скандалы. Мир жаждет узнать историю иконы кинематографа из первых уст.

Осталось выбрать человека, которого допустят к работе с кинозвездой.

Удивительно, но доверенным лицом Эвелин выбирает никому не известную сотрудницу глянцевого журнала Моник Грант. Они не знакомы, никогда не встречались, разве что отец Моник когда-то работал в сфере кино.

Моник обескуражена свалившейся на нее внезапной популярностью. И ее первая встреча с Эвелин Хьюго лишь добавляет вопросов.

Содержание

Бедный Эрни Диас	62
Проклятый Дон Адлер	86
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Тейлор Дженкинс Рейд Семь мужей Эвелин Хьюго

Taylor Jenkins Reid

THE SEVEN HUSBANDS OF EVELYN HUGO

Copyright © 2017 by Rabbit Reid Inc.

This edition published by arrangement with Taryn Fagerness
Agency and Synopsis Literary Agency

Copyright © STYLANDER

© STYLANDER, источник: Trunk Archive & Gallery Stock

Фотография на 4-й стороне обложки: с Wildroze /
Gettyimages.ru.

Дизайн переплета *Карли Ломан*

* * *

TAYLOR JENKINS REID

THE
SEVEN
HUSBANDS
OF
EVELYN

BOOK ONE

ТЕЙЛОР ДЖЕНКИНС РЕЙД

СЕМЬ
МУЖЕЙ
ЭВЕЛИН
ХЬЮГО

«НЬЮ-ЙОРК ТРИБЮН»

Эвелин распродает платья на аукционе

2 марта 2017 Прия Амрит

Легенда кино и Ит-герл¹ 60-х Эвелин Хьюго объявила, что выставляет на аукцион Кристис 12 своих самых знаменитых, самых памятных платьев, чтобы собрать деньги на исследования с целью лечения рака груди.

79-летняя Хьюго долгое время была и остается иконой гламура и элегантности. Она славится собственным стилем, одновременно чувственным и сдержанным, и многие из самых известных созданных ею образов считаются критериями моды и сокровищами Голливуда.

Те, кто стремится стать владельцем частички истории Хьюго, получают не только платье, но и увлекательную историю, связанную с ним. Так, на продажу будет выставлено изумрудно-зеленое платье от Миранды Ла Конда, в котором Хьюго присутствовала в 1959-м на церемонии вручения наград Американской киноакадемии; фиолетовое суфле, легкое платье из органди с круглым декольте с премьерного сеанса

¹ Ит-герл (*англ.* It-girl) – популярная молодая женщина, обычно селебрити, сексуально привлекательная и обаятельная.

«Анны Карениной» в 1962-м и темно-синее шелковое от Майкла Мэддокса, которое она надевала в 1982-м, когда завоевала «Оскар» за «Все для нас».

На долю Хьюго выпало достаточное количество голливудских скандалов, в немалой степени касавшихся семи ее браков, в том числе долгих, растянувшихся на десятилетия отношений с кинопродюсером Гарри Кэмероном. У пары даже родилась дочь, Коннор Кэмерон, которая косвенным образом повлияла на проведение аукциона. Мисс Кэмерон умерла от рака груди в прошлом году, когда ей едва исполнился 41 год.

Елена Эррера, родившаяся в 1938-м в семье кубинских эмигрантов под именем Эвелин, выросла в нью-йоркском районе Адская кухня. В 1955-м она уехала в Голливуд, стала блондинкой и приняла имя Эвелин Хьюго. В голливудскую элиту Эвелин Хьюго ворвалась едва ли не мгновенно и оставалась в центре внимания на протяжении трех десятилетий, пока не ушла со сцены в 80-х, выйдя замуж за финансиста Роберта Джеймисона, старшего брата трехкратной обладательницы «Оскара», актрисы Селии Сент-Джеймс. Сейчас овдовевшая Хьюго живет на Манхэттене.

Необыкновенно прекрасная, эталон гламура и дерзкой сексуальности, Хьюго долго была музой для любителей кино во всем мире. Эксперты предполагают, что сумма выручки достигнет 2 миллионов долларов.

– Зайди, пожалуйста, в мой офис.

Я оглядываюсь на столы за спиной и снова перевожу взгляд на Фрэнки, чтобы убедиться, что она обращается именно ко мне – я показываю пальцем на себя.

– Ты со мной разговариваешь?

– Да, Моник, с тобой, – нетерпеливо вздыхает Фрэнки. – Поэтому я и сказала: «Моник, зайди, пожалуйста, в мой офис».

– Извини, я расслышала только последнюю часть.

Фрэнки поворачивается. Я хватаю блокнот и следую за ней.

В ней есть что-то очень необычное. Не уверена, что ее можно назвать привлекательной в привычном смысле – у нее резкие черты, широко расставленные глаза, но при этом люди невольно оглядываются и восхищаются ею. Худощавая, высокая, около шести футов, с прической афро на коротких волосах и склонностью к ярким цветам и крупным украшениям, она, едва войдя в комнату, привлекает всеобщее внимание.

Отчасти из-за нее я и взяла эту работу. Я присматривалась к ней, пока училась в школе журналистики, читала ее материалы на страницах того самого журнала, которым она сейчас руководит и на который я работаю. Сказать по прав-

де, есть что-то вдохновляющее в том, что начальник здесь черная женщина. Я сама двурасовая – у меня светло-коричневая кожа и темно-карие глаза, доставшиеся в подарок от чернокожего отца, и россыпь веснушек, наследство от белой матери. Глядя на Фрэнки, я проникаюсь надеждой, что когда-нибудь тоже смогу чем-то управлять.

– Садись, – говорит Фрэнки и кивает на оранжевый стул напротив ее люцитового стола.

Сажусь и скрещиваю ноги. Пусть начинает Фрэнки.

– Какой удивительный поворот, – произносит она, глядя на свой компьютер. – Люди от Эвелин Хьюго предлагают сенсацию, эксклюзивное интервью.

Мне так и хочется сказать *ну и дела*, но еще и *зачем ты все это мне говоришь?*

– О чем же? – спрашиваю я.

– Позволю себе предположить, что это как-то связано с аукционом, который она устраивает. Думаю, ей важно собрать как можно больше денег для Американского фонда борьбы с раком груди.

– Но они это не подтверждают?

Фрэнки качает головой.

– Они лишь подтверждают, что Эвелин желает что-то сказать.

Эвелин – одна из величайших кинозвезд всех времен. Ей даже не обязательно говорить что-то, чтобы люди ее слушали.

– Для нас это может стать большим событием, не так ли? В том смысле, что она ведь живая легенда. Сколько раз она была замужем, восемь или что-то вроде этого?

– Семь. И да, потенциал огромный. Вот почему я надеюсь, что мы с тобой с этим справимся.

– Ты что имеешь в виду?

Фрэнки глубоко вздыхает, и лицо ее принимает такое выражение, будто вот сейчас она сообщит, что я уволена.

– Эвелин потребовала тебя.

– Меня? – Второй шок менее чем за пять минут, и оба по одной причине – кому-то вдруг захотелось со мной поговорить. Надо поработать над собой, укрепить уверенность. А то она пошатнулась в последнее время. Хотя нельзя сказать, что она была такой уж крепкой.

– Откровенно говоря, и я точно так же отреагировала, – говорит Фрэнки.

Откровенно говоря, мне немного обидно. Хотя, конечно, понятно, откуда это все идет. В «Виван» я чуть меньше года и занимаюсь по большей части тем, что пишу хвалебные статьи. До этого я вела блог для «Дискурса», сайта, освещающего текущие события и новости культуры. Он называется себя новостным журналом, но по сути представляет собой блог с язвительными заголовками. Писала я в основном для раздела «Современная жизнь», рассказывала о последних трендах и представляла различные взгляды.

После нескольких лет бултыхания во фрилансе «Дискурс»

стал для меня спасательным кругом. Но когда «Виван» предложил перейти к ним, я ничего не смогла с собой поделаться. Я ухватила за шанс присоединиться к солидному учреждению, работать среди легенд.

В свой первый рабочий день я прошла мимо стен, украшенных имеющими статус культурного события обложками: с активисткой женского движения Дебби Палмер, стоящей обнаженной в тщательно выверенной позе на вершине небоскреба над Манхэттеном – в 1984-м; с художником Робертом Тернером, работающим над картиной под текстом, сообщающим, что он болен СПИДом – в 1991-м. Быть частью «Виван» – для меня это какой-то сюрреализм. Я всегда мечтала увидеть свое имя на его глянцевого страницах.

Но, к несчастью, в последних двенадцати выпусках я не делаю ничего, кроме как задаю вопросы людям, у которых старые деньги², тогда как мои коллеги в «Дискурсе» пытаются изменить мир, создавая вирусный контент, разлетающийся по всему Интернету. Короче, я не очень-то довольна собой.

– Послушай, это не значит, что мы тебя не любим, – говорит Фрэнки. – Мы думаем, ты многого достигнешь в «Виван», но я надеялась отдать это интервью кому-то из наших топовых интервьюеров, кому-то поопытнее. Не стану скрывать, мы не предлагали ее команде твою кандидатуру. Мы

² Термин «старые деньги» обычно применим по отношению к богатым людям, которые смогли сохранить свое богатство в течение нескольких поколений.

назвали пять самых громких имен и получили в ответ вот это.

Фрэнки поворачивает ко мне монитор и показывает имейл от некоего Томаса Уэлча, насколько я понимаю, агента по рекламе у Эвелин Хьюго.

От: Томас Уэлч

Кому: Трауп, Фрэнки

Копии: Стейми, Джейсон; Пауэрс, Райан.

Моник Грант, или Эвелин снимает предложение.

Ошеломленная, я перевожу взгляд на Фрэнки. Надо же, Эвелин Хьюго желает иметь со мной какие-то дела.

– Ты знаешь Эвелин Хьюго? И что здесь вообще происходит? – Фрэнки снова поворачивает монитор к себе.

– Нет. – Меня удивляет даже то, что она спрашивает об этом. – Я видела несколько фильмов с ее участием, но не более того. Не мое время.

– И ты никак с ней лично не связана?

Я качаю головой.

– Определенно нет.

– Разве ты не из Лос-Анджелеса?

– Да, из Лос-Анджелеса, но моя единственно возможная связь с Эвелин Хьюго – это мой отец. Он работал в одном из фильмов с ее участием. Он был фотографом. Могу спросить у мамы.

– Отлично. Спасибо. – Фрэнки выжидающе смотрит на

меня.

– Хочешь, чтобы я спросила сейчас?

– Если не трудно.

Я достаю из кармана телефон и набираю сообщение: *«Папа работал с фильмами Эвелин Хьюго?»*

На экране появляются три точки. Поднимаю голову и вижу, что Фрэнки пытается заглянуть в мой телефон. Заметив, что ее вторжение обнаружено, делает шаг назад.

Телефон дзынькает.

«Может быть, – пишет мама. – Их было так много, все и не упомнишь. А что?»

«Долгая история, – отвечаю я. – Пытаюсь выяснить, связана ли я как-то с Эвелин Хьюго. Думаешь, папа знал ее?»

«Ха! Нет, – отвечает мама. – Твой отец никогда не тусовался ни с кем из знаменитостей. Хотя я и пыталась уговорить его завести знаменитых друзей».

Я смеюсь.

– Похоже, что нет. Никаких связей с Эвелин Хьюго.

Фрэнки кивает.

– О'кей. Понятно. Другая теория – они там нарочно выбрали кого-то менее опытного, чтобы контролировать и тебя, и все, что ты напишешь.

Телефон снова вибрирует. *«Напомнила. Я же хотела послать тебе старые отцовские работы. Там есть шикарные вещи. Им и здесь хорошо, но тебе они нужнее. Пришлю на этой неделе».*

– Думаешь, они охотятся за слабаками, – говорю я Фрэнки.

Она мягко улыбается.

– Вроде того.

– Получается, ее люди заглянули в список, нашли мое имя в самом низу среди низкооплачиваемых писак и думают, что смогут помыкать мной. Считаешь, такой у них план?

– Боюсь, что да.

– И ты говоришь мне об этом, потому что...

Фрэнки ненадолго задумывается.

– Потому что думаю, что ты не позволишь им помыкать тобой. Думаю, они тебя недооценивают. Мне нужен этот материал. Я хочу увидеть его на первых полосах.

– Что ты пытаешься мне сказать? – Я ерзаю на стуле.

Фрэнки кладет руки на стол перед собой и наклоняется ко мне.

– Я хочу спросить, хватит ли у тебя духа противостоять Эвелин Хьюго.

Если бы я перебирала вопросы, которые мне хотят задать сегодня, этот проходил бы где-то в девятом миллионе. Хватит ли мне духа противостоять Эвелин Хьюго? Я не знаю.

– Да, – говорю я наконец.

– И это все? Просто «да»?

Мне нужен этот шанс. Я хочу написать эту историю. Мне осточертело болтаться внизу тотемного столба. Мне нужна победа.

– Да, черт возьми!

Фрэнки задумчиво кивает.

– Лучше, но ты все еще меня не убедила.

Мне тридцать пять. Я пишу более десяти лет. Мне нужен хороший проект. Я хочу сама решать, что писать. Я хочу быть той, чье имя вспоминают, когда звонит Эвелин Хьюго. Здесь, в «Виван», меня используют не в полную силу. Если я настроена попасть туда, куда хочу, что-то должно случиться. Кому-то нужно уйти. И хорошо бы побыстрее, потому что, кроме этой проклятой карьеры, у меня ничего больше нет. Если я хочу перемен, то должна изменить поведение. И, вероятно, самым решительным образом.

– Эвелин хочет меня. Ты хочешь Эвелин. По-моему, Фрэнки, это не я должна тебя убеждать. По-моему, это ты должна убеждать меня.

Фрэнки молчит и только смотрит на меня поверх сложенных домиком пальцев. Я хотела придать себе грозный вид и припугнуть, но, возможно, переиграла.

Примерно так же я чувствовала себя, когда приступила к силовому тренингу и начала с сорока фунтов. Поспешись – людей насмешишь.

Лишь усилием воли я сдерживаюсь, чтобы не пойти на попятный и не разразиться жалкими извинениями. Мама учила меня быть вежливой и скромной. Я давно подозреваю, что вежливость – это угодливость. Но на вежливости и доброте далеко не уедешь. Мир уважает людей, которые думают, что

им должны управлять они. Я никогда этого не понимала, но бороться с этим перестала. Я здесь для того, чтобы в один прекрасный день сменить Фрэнки. Или даже подняться выше. Чтобы сделать что-то серьезное и важное, что-то, чем я смогу гордиться. Чтобы оставить след. И пока что мне до этого как до луны.

Молчание затягивается, напряжение нарастает с каждой секундой, и я понимаю, что вот-вот дрогну. Но первой сдаётся Фрэнки.

– О'кей, – говорит она и, поднявшись, протягивает руку.

Я с гордостью протягиваю свою и стараюсь не поддаться – у Фрэнки рукопожатие, как тиски.

– Сделай это, Моник. Ради нас и ради себя. Пожалуйста.

– Сделаю.

Каждая из нас отступает на шаг назад, я поворачиваюсь и иду к двери.

– Может быть, она прочитала твою заметку про ассистированный суицид в «Дискурсе». – Голос Фрэнки догоняет меня у порога.

– Что?

– Потрясающий материал. Может, поэтому она и требует тебя. Именно так мы тебя нашли. Сильная история. И дело не только в том, что ты попала в тему, но и в том, как прекрасно ты ее преподнесла.

Это была одна из первых по-настоящему значимых статей, которые я написала не на заказ, а по собственному же-

ланию. Появилась она после того, как мне поручили прокомментировать рост популярности микрозелени, особенно в бруклинских ресторанах. Я пошла на рынок Парк-Слоуп – взять интервью у местного фермера, но когда призналась, что не люблю сарептскую горчицу, он сказал, что я похожа на его сестру. До прошлого года она вполне себе ела мясо, а потом стала веганом и перешла на органическую диету, чтобы получить шанс в борьбе с раком мозга.

Мы разговорились, и он рассказал о группе поддержки ассистированного суицида, в которую вступил недавно вместе с сестрой. В группе собрались люди, борющиеся за право на достойную смерть. Здоровое питание не спасло сестру, и никто не хотел, чтобы она страдала дольше, чем нужно. Вот тогда я поняла, что хочу дать голос членам этой группы.

Я отправилась в офис «Дискурса» и все им выложила. Думала, что откажут, учитывая мою последнюю неудачу с заметками о хипстерских трендах и темах знаменитостей. Но, к моему удивлению, мне дали зеленый свет.

Я работала без сна и отдыха, посещала собрания в подвалах церквей, разговаривала с членами групп, писала и переписывала, пока не почувствовала, что текст представляет проблему во всей сложности – как милосердие, так и моральный кодекс – решения помочь закончить жизнь страдающим людям.

Этой своей работой я горжусь больше всего. Не раз и не два, приходя домой, я перечитывала ее, напоминая себе

о том, на что способна, напоминая себе о том, какое удовлетворение получаю, делясь правдой, какой бы трудной она ни была.

– Спасибо, – говорю я Фрэнки.

– Я всего лишь хочу сказать, что ты талантлива. Возможно, дело в этом.

– А может быть, и нет.

– Может, и нет. Но в любом случае напиши хорошо. Надеюсь, именно так и будет.

THESPILL.com

Эвелин Хьюго – о себе начистоту

4 марта 2017 Джулия Сантос

Живая легенда и самая прекрасная в мире блондинка Эвелин Хьюго устраивает аукцион по продаже платьев и намерена дать интервью, в котором отказывала несколько десятилетий.

Пожалуйста, скажите мне, что она готова наконец-то рассказать обо всех своих мужьях. (Я бы поняла, если бы их было четыре, может быть, пять, шесть, если уж так прижало, но семь? Семь мужей? Не говоря уже о ее романе с конгрессменом Джеком Истоном в начале 80-х. Аплодисменты.) Если она не готова выложить всю правду о мужьях, то пусть хотя бы расскажет, как обрела такие брови. Я вот о чем, ПОДЕЛИСЬ БОГАТСТВОМ, ЭВЕЛИН.

Когда видишь фотографии Эвелин – светлые, с медным отливом волосы, темные, прямые как стрела

брови, загорелая кожа и золотисто-карие глаза, – вам не остается ничего другого, как только замереть и любоваться.

И не вынуждайте меня описывать тело.

Не ягодицы, не бедра – всего лишь огромные груди на хрупком остовете.

Ради такого тела я работала практически всю жизнь. (И все еще далека от цели. Может быть, из-за спагетти-букатини, которые ем на ланч всю эту неделю.)

И только одно меня раздражает: Эвелин могла выбрать любого. (Хм, почему бы не меня?) Но она предпочла какую-то девчушку из «Виван»? А ведь могла бы кого угодно. (Хм, почему бы не меня?) Почему эта цыпочка Моник Грант (а не я?).

Ладно, просто обидно, что не я.

Надо было устроиться в «Виван». Им всегда везет.

КОММЕНТЫ:

Hihello565: Даже люди «Виван» не хотят там работать.

Pppppppppppps отвечает **Hihello565:** Да, ОК. Что-то говорит мне, что если бы самый уважаемый журнал в стране предложил тебе работу, ты ухватила бы за нее обеими руками.

EChristine999: А правда, что дочь Эвелин умерла недавно от рака? По-моему, я читала об этом где-то. Какая жалость. Кстати, та фотография – Эвелин у могилы Гарри Кэмерона. До сих пор не могу оправиться. Чудесная семья. Так жаль, что она их

потеряла.

MrsJeanineGrambs: А меня Эвелин Хьюго ну нисколько не волнует. ПЕРЕСТАНЬТЕ ПИСАТЬ ОБ ЭТИХ ЛЮДЯХ. Ее браки, романы и большинство фильмов говорят одно: ШЛЮХА. «Три пополуночи» – позор и бесчестие для женщин. Обратите внимание на тех, кто этого заслуживает.

SexyLexi89: Эвелин Хьюго, возможно, самая красивая женщина всех времен. Та сцена в «Душе общества», где она выходит обнаженная из воды, и все темнеет как раз перед тем, как нам открываются ее соски... Замечательно.

PennyDriverKLM: Слава Эвелин Хьюго – за блондинистые волосы и темные брови – вот это КЛАСС. Я салютую вам, Эвелин.

YuppiePigs3: Тошная! Не для меня.

EvelynHugoIsASaint: Эта женщина пожертвовала МИЛЛИОНЫ ДОЛЛАРОВ благотворительным учреждениям для пострадавших от насилия женщин и ЛГБТ-сообществ, и теперь выставляет на аукцион платья, чтобы помочь обществу бороться с раком, а вы только и говорите о ее бровях? Серьезно?

JuliaSantos@TheSpill

отвечает

EvelynHugoIsASaint: Справедливое замечание. ИЗВИНИТЕ. В свою защиту скажу, что миллионы она начала получать в 60-е, играя роли крутых деловых стерв. И без таланта и красоты она не имела бы ничего, а красивой никогда бы не стала без БРОВЕЙ. Но ОК, замечание справедливое.

EvelynHugoIsASaint

отвечает

JuliaSantos@TheSpill: Уф. Извините за стервозность. Пропустила ланч. Mea culpa³. На мой взгляд, «Виван» не получит от этой истории и половины того, что получил бы, если бы за дело взялись вы. Эвелин следовало выбрать вас.

JuliaSantos@TheSpill

отвечает

EvelynHugoIsASaint: Правда????? Кстати, кто такая Моник Грант? Надо бы раскопать.

2

Последние дни я только тем и занималась, что изучала все доступные материалы, касающиеся Эвелин Хьюго. Фанаткой кино я не была, а уж старыми голливудскими звездами тем более никогда не интересовалась. Но жизнь Эвелин – по крайней мере, в ее нынешней официально представленной версии – могла вдохновить на создание доброго десятка мыльных опер.

Взять хотя бы ранний – ей было тогда восемнадцать, – закончившийся разводом брак. Далее служебный роман и второй, бурный и скандальный, брак с голливудской знаменитостью Доном Адлером. По слухам, Эвелин ушла, потому что он бил ее. Возвращение с французской «новой волной». Поспешное бегство с певцом Миком Ривой. Образцово-по-

³ Моя вина (лат.).

казательное бракосочетание со щеголеватым и элегантным Рексом Нортон и расставание по причине взаимной супружеской неверности. Чудесная лав стори с Гарри Кэмероном и рождение их дочери Коннор. Душераздирающий разрыв и поспешное замужество: новый избранник – ее старый режиссер Макс Жирар. Увлечение моложавым конгрессменом Джеком Истоном, поставившее точку в ее отношениях с Жираром. И, наконец, брак с финансистом Робертом Джеймисоном, по слухам, ставшим мстью Эвелин бывшей партнерше и сестре Роберта – Селии Сент-Джеймс. Все ее мужья уже отошли в мир иной, оставив Эвелин единственной, кто знает подлинную правду обо всех этих отношениях.

Эта работа будто специально для меня, если только я хочу рассказать об этом.

Задержавшись в офисе допоздна, сегодня вечером я возвращаюсь домой около девяти. Квартира у меня маленькая, и, наверно, самое подходящее название для нее – крошечная баночка сардин. Но и она становится на удивление просторной, когда половины твоих вещей уже нет. Дэвид выехал пять недель назад, и я до сих пор не удосужилась заменить посуду, которую он забрал с собой, и кофейный столик, подаренный его матерью на нашу свадьбу в прошлом году. Господи. Мы не дотянули даже до первой годовщины.

Захожу в комнату, бросаю на диван сумку – какая ж все-таки мелочность, унести с собой этот несчастный кофейный столик. Теперь у него новая, полностью меблированная сту-

дия в Сан-Франциско – часть щедрого релокационного пакета по случаю назначения. Думаю, столик отправился на склад вместе с тумбочкой и всеми нашими поваренными книгами, по праву, как он настаивал, принадлежащими ему. Поваренных книг мне не жаль. Я не занимаюсь готовкой. Но когда на вещах написано «Моник и Дэвиду – на многие годы счастья», каждый вправе считать, что это принадлежит и тебе тоже.

Вешаю пальто и не в первый уж раз задумываюсь: это Дэвид согласился на новую работу и переезд в Сан-Франциско *без меня* или я отказалась уехать из Нью-Йорка *ради него*? Снимаю туфли и снова прихожу к тому же: наверно, ответ где-то посередине. Но вслед за этим, как всегда, возвращаюсь к мысли, которая каждый раз жалит заново: «*Он действительно ушел*».

Заказываю пад-тай и иду принять душ. Включаю горячую воду. Вот такая по мне – чтобы почти обжигала. И еще мне нравится запах шампуня. Это, наверно, мое любимое место – под струей. Здесь, в облаке пара и клочьях пены, я уже не Моник Грант, брошенка. И даже не Моник Грант, скисший сочинитель. Я просто Моник Грант, обладательница роскошных банных продуктов.

Я вытираюсь насухо, надеваю спортивные штаны и едва успеваю убрать с лица волосы, как в дверь уже звонят – заказ прибыл.

Сажусь с пластиковым контейнером перед телевизором

и пытаюсь отключиться. Хочу, чтобы мозг занялся чем-то еще, а не думал о работе и Дэвиде. Но, покончив с ужином, понимаю – бесполезно. А раз так, то лучше поработать.

Сама идея – взять интервью у Эвелин Хьюго, контролировать ее рассказ и не позволять ей контролировать меня – немного пугает. Есть у меня такая слабость – переусердствовать с подготовкой.

Выглядит все устрашающе – интервьюировать Эвелин Хьюго, контролировать ее рассказ и не позволить ей контролировать меня. Моя проблема не только в чрезмерном старании. Что еще важнее, я всегда веду себя как страус, хочу спрятать голову в песок и избежать того, с чем не желаю сталкиваться лицом к лицу.

Итак, следующие три дня я посвящаю исключительно знакомству с Эвелин Хьюго. Поднимаю старые статьи о ее браках и скандалах, смотрю по вечерам ее старые фильмы: «Закат в Каролине», «Анна Каренина», «Джейд Даймонд», «Все для нас». Раз за разом прокручиваю сцену из «Души общества», где она выходит, голая, из воды, и, когда засыпаю, продолжаю видеть ее уже во сне.

Мало-помалу я даже начинаю в нее влюбляться. Не сильно, немножко. С одиннадцати вечера и до двух ночи, когда остальной мир спит, на экране моего ноутбука – она, и ее голос наполняет мою гостиную.

Отрицать невозможно – Эвелин поразительно красивая женщина. Люди часто говорят о ее прямых и густых бровях

и светлых волосах, но я люблюсь лепкой ее тела. У нее четкая и сильная линия подбородка, высокие скулы, и это все как бы нацеливает взгляд на припухшие губы. Глаза большие, но не столько округлые, сколько миндалевидные. Загорелая кожа вкупе со светлыми волосами наводят на мысль о пляже, но тем не менее выглядят элегантно. Я знаю, что это не дар природы – ни светлые волосы, ни кожа с бронзовым отливом, – но не могу отделаться от чувства, что так должно и быть, что люди должны рождаться вот такими.

Теперь я уже не сомневаюсь, что в том числе и поэтому историк кино Чарльз Реддинг как-то сказал, что лицо Эвелин создает впечатление «неизбежности. Такое изысканное, практически идеальное, что, когда смотришь на нее, кажется, что ее черты в этой комбинации, в этом соотношении были обязаны сойтись, рано или поздно».

Я развешиваю фотографии Эвелин по годам: 50-е – облегающие свитерки и бюстгалтеры-«пуля», пресс-фото ее и Дона Адлера в «Сансет студияс» вскоре после того, как они поженились, снимки начала 60-х – она с длинными прямыми волосами и мягкими, упругими кудряшками, в укороченных шортах.

На одной черно-белой фотографии Эвелин сидит на идеально чистом пляже в большой широкополой черной шляпе, скрывающей одну половину лица, а солнце освещает другую половину.

Одна из моих любимых – черно-белая с церемонии вру-

чения «Золотого глобуса» в 1967-м. Эвелин сидит у прохода, волосы зачесаны вверх и назад. На ней светлое кружевное платье с глубоким круглым декольте, сдержанно демонстрирующим все, что нужно, правая нога выскользнула из выреза юбки. Рядом с ней двое мужчин, имена которых затерялись в истории; оба смотрят на нее, а она – вперед, на сцену. Мужчина справа уставился на ее грудь, другой, рядом с ним, вытаращился на ее ногу. Оба явно восхищены и, очевидно, предвкушают увидеть чуть больше.

Может быть, это из-за того, что я слишком много думаю о фотографиях, но мне уже видится паттерн: Эвелин всегда оставляет тебя с надеждой увидеть еще немного. Но вас она не замечает.

Даже в широко обсуждаемой сексуальной сцене в фильме «Три пополуночи» 1977 года, где она по-ковбойски скачет верхом на Доне Адлере, зритель наблюдает ее полные груди в течение трех секунд. Говорят, рекордные сборы картины объясняются лишь тем, что многие зрители не довольствовались одним просмотром.

Как она определяет, сколько нужно дать и сколько удержать, оставить себе? Изменилось ли что-то в этом отношении теперь, когда ей есть что сказать? Или она и со мной будет играть по тем же правилам, по которым годами играла со зрителями?

Скажет ли Эвелин Хьюго столько, чтобы я заерзала от нетерпения на краешке стула, но не откроет, по сути, ниче-

Просыпаюсь на полчаса раньше будильника. Проверяю почту, в том числе письмо от Фрэнки под темой «ДЕРЖИ МЕНЯ В КУРСЕ». Готовлю скромный завтрак.

Надеваю черные слаксы и белую футболку с моим любимым блейзером в елочку. Длинные, тугие кудряшки собираю в пучок на затылке. Откладываю контактные линзы и беру очки с толстыми стеклами в черной оправе.

Глядя в зеркало, замечаю, что после расставания с Дэвидом похудела на лицо. Вообще, я всегда была стройная, но лишний вес собирается в первую очередь на щеках и попе. За то время, что мы были с Дэвидом – два года встречались и одиннадцать месяцев в браке, – я немножко расплнела. Дэвид любит поесть. Он-то вставал обычно рано утром и бегал, а я предпочитала поспать.

Оглядываю себя, собираюсь с духом, расправляю плечи и чувствую прилив уверенности. Я хорошо выгляжу и хорошо себя чувствую.

Перед тем как выйти, прихватываю кашемировый шарф, мамин подарок на Рождество. И вперед – вниз, в подземку, на Манхэттен, в центр.

Эвелин живет рядом с Пятой авеню, в доме с видом на Центральный парк. Порыскав в Интернете, я выяснила, что

кроме этих апартаментов у нее есть еще вилла у моря, неподалеку от Малаги, в Испании. Здесь она обосновалась в конце 90-х – купила квартиру вместе с Гарри Кэмероном. Вилла же досталась ей в наследство после смерти Роберта Джеймсона почти пять лет назад. В следующей жизни, если забуду, напомните, чтобы я вернулась кинозвездой.

Дом Эвелин, по крайней мере снаружи, – известняк, довоенная постройка в стиле бозар, – это что-то необыкновенное. Еще у входа меня встречает пожилой, симпатичный швейцар с добрыми глазами и теплой улыбкой.

– Чем могу помочь?

Мне вдруг становится немного неловко.

– Я к Эвелин Хьюго, – смущенно говорю я. – Меня зовут Моник Грант.

Он улыбается и открывает дверь. Ясно, знал, кого ждать. Он ведет меня к лифту и нажимает кнопку верхнего этажа.

– Хорошего дня, мисс Грант. – Створки закрываются, и вот его уже нет.

В дверь апартаментов Эвелин я звоню ровно в одиннадцать. Мне открывает женщина в джинсах и темно-синей блузке. Ей, должно быть, около пятидесяти или немного больше. Черты азиатские, прямые черные волосы собраны в хвост. В руке несколько писем.

– Вы, должно быть, Моник, – говорит она и протягивает руку. Мы здороваемся. Она, похоже, из тех людей, которые искренне рады знакомствам, и я уже проникаюсь к ней сим-

патией, несмотря на строгое обещание держаться нейтрально в отношении всего, что меня ждет сегодня.

– Я – Грейс.

– Здравствуйте, Грейс. Приятно познакомиться.

– Взаимно. Проходите.

Грейс отступает в сторону и кивком приглашает меня войти. Я кладу сумочку и снимаю пальто.

– Можете оставить здесь. – Она открывает гардероб и протягивает мне деревянную вешалку.

Гардероб примерно одного размера с ванной в моей квартире. Ни для кого не секрет, что денег у Эвелин куры не клюют. Что мне сейчас нужно, это не позволить запугать меня. Она красива и богата, влиятельна, сексуальна и мила. А я – самая обычная женщина. И мне нужно каким-то образом убедить себя, что мы с ней на равных, а иначе ничего не получится.

– Хорошо. Спасибо, – улыбаюсь я, вешаю пальто и отступаю. Грейс закрывает дверь.

– Эвелин наверху, готовится. Что вам предложить? Воду, кофе, чай?

– Я бы выпила кофе.

Грейс ведет меня в комнату, яркую и просторную, с высокими, от пола до потолка, книжными шкафами и двумя мягкими креслами кремового цвета.

– Садитесь. Вы какой предпочитаете?

– Кофе? – растерянно уточняю я. – Со сливками, но мож-

но и с молоком. Но сливки – в самый раз. Да что угодно. – Я беру себя в руки. – То есть я хочу сказать, что меня бы устроила ложечка сливок, если у вас есть. Скажите, я нервничаю?

Грейс улыбается.

– Немного. Но вы не беспокойтесь. Эвелин – добрейшая душа. Она особенная, к этому нужно привыкнуть. Но я работала со многими и могу вас уверить – Эвелин лучше всех.

– Она платит вам, чтобы вы так говорили? – спрашиваю я как будто в шутку, но получается несколько язвительно.

К счастью, Грейс смеется.

– В прошлом году она отправила нас с мужем в Лондон и Париж – это был мой рождественский бонус. Так что – да, пожалуй, платит, хотя и не в прямом смысле.

Господи.

– Что ж, тогда понятно. Хотела бы получить вашу работу, когда вы уволитесь.

Грейс снова смеется.

– Договорились. А прямо сейчас вы получите чашечку кофе с ложечкой сливок.

Я сажусь и проверяю телефон. Сообщение от мамы с пожеланием удачи. Тапаю по буковкам и сбиваюсь, не могу правильно набрать *рано* – автокорректор меняет его на *рана*. Пытаюсь исправить, но слышу шаги на лестнице, оборачиваюсь и вижу направляющуюся ко мне Эвелин Хьюго.

У меня захватывает дух.

У нее осанка балерины. На ней облегающие черные брюки-стретч и длинный, в серо-голубую полоску, свитер. Худая, как всегда, и если я знаю, что она сделала что-то со своим лицом, то лишь потому, что в ее возрасте выглядеть так без помощи доктора невозможно. Сияющая кожа слегка покраснела, словно ее терли под душем губкой. Ресницы то ли накладные, то ли наращенные. Щеки слегка впалые, но с мягким розоватым оттенком, губы темные, без помады. Волосы ниже плеч – тут и светлые, и седые, и блондинистые – обрамляют лицо светлыми прядями, создавая эффект элегантно стареющей женщины, которая любит загорать.

А вот брови – темные, густые, прямые линии, ее фирменная черта – с годами поредели. И теперь они того же цвета, что и волосы.

Пока она идет ко мне, я успеваю заметить, что обуви на ней нет, но надеты большие толстые вязаные носки.

– Привет, Моник.

Меня немного удивляет небрежность и уверенность, с которыми она произносит мое имя, как будто мы давние знакомые.

– Привет.

– Я – Эвелин. – Она протягивает руку, пожимает мою. Какой же нужно обладать уверенностью, чтобы назвать свое имя, когда знаешь, что оно известно всем в комнате – да что там, во всем мире.

Грейс входит с белой чашечкой на белом блюде.

– Пожалуйста, ваш кофе. И совсем немного сливок.

– Большое спасибо.

– Я тоже такой люблю, – говорит Эвелин, и, смешно признаться, мне приятно это слышать, как будто я угодила ей чем-то.

– Кому-то из вас что-нибудь еще нужно? – спрашивает Грейс.

Я качаю головой, Эвелин не отвечает, и Грейс уходит.

– Идемте в гостиную, устроимся поудобнее.

Я беру сумочку, Эвелин забирает у меня кофе, и мне на память приходит вычитанная где-то фраза насчет того, что харизма – это «обаяние, которое вдохновляет привязанность». И какое прелестное сочетание – могущественная женщина и такой простой, скромный жест.

Мы входим в большую, светлую комнату с высокими окнами. Два серовато-белых кресла, напротив – серо-голубая софа. Под ногами толстый ковер цвета слоновой кости. В глаза бросается открытое черное фортепьяно под окном. Над софой увеличенная черно-белая фотография – Гарри Кэмерон на съемочной площадке. Над камином афиша – Эвелин в фильме 1959 года «Маленькие женщины». Вместе с Эвелин Селия Сент-Джеймс и еще две актрисы. В 50-х этих четырех женщин знали все, но испытание временем выдержали только Эвелин и Селия. Смотрю на них сейчас – они как будто и сияют ярче. Но это, конечно, всего лишь предвзятость ретроспективного взгляда. Я вижу то, что хочу ви-

деть, уже зная, как все обернется.

Эвелин ставит чашку с блюдцем на покрытый черным лаком кофейный столик.

– Садитесь, – приглашает она и сама опускается в мягкое кресло, подтягивая ноги. – Куда хотите.

Я киваю, кладу сумочку, усаживаюсь на софу и достаю блокнот.

– Так выставляете на аукцион платья. – Щелкаю ручкой, показывая, что готова слушать.

И тут она говорит:

– Вообще-то, я пригласила вас сюда под ложным предлогом.

– Извините? – Я почти уверена, что ослышалась.

Эвелин устраивается поудобнее и смотрит на меня.

– О продаже через «Кристис» кучки платьев и говорить-то особенно нечего.

– Но тогда...

– Я пригласила вас обсудить кое-что еще.

– И что же?

– Историю моей жизни.

– Историю вашей жизни? – Я совершенно обескуражена и изо всех сил стараюсь понять, о чем речь.

– Да, откровенно обо всем.

Откровения Эвелин Хьюго... это... это... Даже не знаю. Что-то вроде истории года.

– Вы хотите рассказать вашу историю через «Виван»?

– Нет.

– Вы не хотите...

– Я не хочу делать это через «Виван».

– Тогда зачем я здесь? – в полном недоумении спрашиваю я.

– Я собираюсь отдать свою историю вам.

Смотрю на нее и не могу понять, что именно она хочет сказать.

– Вы хотите рассказать вашу историю всему миру и сделать это через меня, но не через «Виван»?

Эвелин кивает.

– Ну вот, вы начинаете понимать.

– И что именно вы предлагаете? – Ситуация невозможная: одна из самых загадочных и знаменитых женщин во всем мире предлагает мне историю своей жизни – *без всяких на то причин*. Должно быть, я что-то упустила.

– Я расскажу вам свою историю так, что это пойдет на пользу нам обоим. Хотя, если уж начистоту, главным образом вам.

– И о какой же степени откровенности мы говорим? – Может быть, речь идет о каких-то ничего не значащих, отобранных ею эпизодах?

– О полной. Я расскажу вам всю историю, без купюр. Хорошее, плохое, злое – все. Можете выбрать любое клише, какое только пожелаете и которое означает «я расскажу вам абсолютно обо всем».

Смон.

Мне уже не по себе, ведь я пришла всего лишь задать несколько вопросов о платьях. Я кладу блокнот на столик, на него – ручку. Все нужно сделать идеально. Роскошная, хрупкая птичка прилетела и села мне на плечо, и если я допущу хоть одно неловкое движение, она может взмахнуть крыльшками и улететь.

– О'кей. Если я правильно вас поняла, вы хотели бы исповедаться во всевозможных грехах...

Что-то в ее позе, казавшейся до этого момента расслабленной и довольно-таки отстраненной, меняется. Эвелин наклоняется ко мне.

– Я не говорила ни о каком признании в каких-либо грехах. О грехах речи не шло.

Я подаюсь слегка назад. Испортила. Все испортила.

– Извините. Я неверно выразилась.

Эвелин молчит.

– Мне очень жаль, мисс Хьюго. Для меня это все немного... сюрреалистично.

– Можете называть меня Эвелин.

– О'кей. Итак, что дальше? Что именно мы будем делать? – Я беру чашку, подношу к губам и отпиваю самую точку.

– Мы не будем делать кавер-стори для «Виван»⁴.

⁴ Кавер-стори (*англ.* cover story) – центральная статья, иллюстрация которой дана на обложке журнала.

– Это я поняла. – Я ставлю чашку на блюдце.

– Мы напишем книгу.

– Мы?

Эвелин кивает.

– Вы и я. Я читала ваши работы. Мне нравится ваша четкость и лаконичность. Я восхищаюсь вашей серьезностью и деловитостью. Думаю, это пойдет на пользу моей книге.

– Вы просите меня написать вашу автобиографию? – Фантастика. Абсолютная фантастика. Вот и причина остаться в Нью-Йорке. И какая причина! В Сан-Франциско такое просто не случается.

Эвелин снова качает головой.

– Я дам вам историю моей жизни. Расскажу всю правду. А вы напишете о ней книгу.

– И мы поставим на ней ваше имя и скажем, что вы ее написали. Это называется гострайтинг⁵. – Я снова беру чашку.

– Моего имени на ней не будет. Я умру.

Я давлюсь кофе, и капли падают на белый ковер.

– Боже мой, – говорю я, наверно, чуточку слишком громко, и ставлю чашку. – Испачкала вам ковер.

Эвелин отмахивается, но в дверь стучат, Грейс просовывает голову и спрашивает:

– Все в порядке?

– Боюсь, я пролила кофе.

Грейс входит и идет к столику – посмотреть.

⁵ Гострайтинг (*англ.* ghostwriting) – создание произведения под чужим именем.

– Мне очень жаль. Все так неожиданно и...

Я перехватываю взгляд Эвелин и, хотя знаю ее не очень хорошо, все же понимаю, что мне предлагают помолчать.

– Не беспокойтесь, – говорит Грейс. – Я об этом позабочусь.

– Хотите поесть, Моник? – Эвелин поднимается.

– Извините?

– Здесь неподалеку одно местечко, где готовят отличные салаты. Я угощаю.

На часах почти полдень, и когда я волнуюсь, то у меня сразу пропадает аппетит. Тем не менее я соглашаюсь, потому что чувствую – это не просто предложение.

– Вот и отлично, – говорит Эвелин. – Грейс, не позвонишь в «Трамбино»? – Она берет меня за плечо, и минут через десять мы уже идем по чистеньким тротуарам Верхнего Ист-Сайда.

Воздух дышит холодком, и я замечаю, что Эвелин поплотнее запахивает пальто.

При солнечном свете признаки старения выступают явственнее. Белки глаз помутнели, кожа рук истончилась почти до прозрачности. Голубые прожилки вен, как у моей бабушки. Я так любила легкие, почти невесомые прикосновения ее утратившей пружинистость кожи.

– Что вы имели в виду, когда сказали, что умрете?

Она смеется.

– Я хочу, чтобы вы опубликовали книгу как авторизован-

ную биографию под своим именем, когда я умру.

– О'кей, – говорю я, как будто это самое обычное дело. Но потом осознаю, что нет, это безумие. – Не хочу показаться бестактной, но вы действительно хотите мне сказать, что умираете?

– Все умирают, милая. Вы умираете. Я умираю. Вон тот парень тоже умирает. – Она указывает на средних лет мужчину, выгуливающего мохнатого песика. Он слышит ее, видит, что она указывает на него пальцем, и только тогда догадывается, кто говорит. И в результате застывает с открытым ртом и выпученными глазами.

Мы поворачиваем к ресторану, спускаемся на две ступеньки к двери. Эвелин садится за столик в глубине. Ее никто не встречает. Она просто знает, куда идти, и предполагает, что все остальные тоже это знают. Подошедший официант – в черных брюках, белой рубашке и черном галстуке – ставит на столик два стакана с водой. Эвелин без льда.

– Спасибо, Трой, – говорит она.

– Рубленый салат? – спрашивает он.

– Мне – определенно, а вот насчет моей подруги я не уверена.

Я беру со стола салфетку и кладу на колени.

– То же самое, пожалуйста.

Трой улыбается и уходит.

– Вам понравится, – говорит Эвелин, как будто мы друзья и ведем обычный разговор.

– О'кей. Расскажите мне еще о книге, которую мы собираемся написать.

– Я уже сказала все, что вам нужно знать.

– Вы сказали, что я буду ее писать, а вы умрете.

– Вам нужно быть внимательнее в выборе выражений.

Может, я и чувствую себя немного не в своей тарелке – и, может быть, нахожусь не совсем там, где хотела бы сейчас находиться, – но с выбором выражений у меня полный порядок.

– Должно быть, я неправильно вас поняла. Обещаю быть внимательнее.

Эвелин пожимает плечами. Эта тема ей не интересна.

– Вы молоды, и все ваше поколение слишком небрежно обходится со словами, несущими большое значение.

– Понимаю.

– И я не сказала, что собираюсь исповедаться в каких-либо грехах. Назвать грехом то, о чем я намерена рассказать, было бы неправильно и оскорбительно. Я не сожалею о том, что сделала – по крайней мере, о том, что вы, возможно, предполагаете, – независимо от того, какими жестокими или даже отвратительными выглядят мои поступки, как говорится, в холодном свете дня.

– *Je ne regrette rien*⁶. – Я поднимаю стакан.

– Вот именно. Хотя песня, скорее, о том, чтобы не сожа-

⁶ *Je ne regrette rien* (фр.) – я ни о чем не жалею. Слова из песни, написанной в 1956 году и получившей известность в исполнении Эдит Пиаф.

леть о том, что ты уже не живешь в прошлом. Я имею в виду, что и теперь принимаю множество все тех же решений. А если начистоту, то да, есть вещи, о которых я сожалею. Просто... это не что-то грязное и мерзкое. Я не жалею, что лгала людям, не жалею о том, что сделала кому-то больно. Меня не смущает тот факт, что иногда, поступая правильно, выглядишь безобразно. Я сочувствую себе. Доверяю себе. Взять хотя бы сегодняшний пример, когда я одернула вас за то, что вы сказали о признании грехов. Получилось не очень хорошо, и я не уверена, что вы заслужили упрек. Но я не жалею об этом. У меня были свои причины, и решения я принимала и головой, и сердцем.

– Вы обиделись за слово *грех*, поскольку оно подразумевает, что вы сожалеете.

Трой приносит заказы и, не сказав ни слова, посыпает салат Эвелин перцем. Она поднимает руку – достаточно – и улыбается. Я отказываюсь.

– Можно жалеть о чем-то, но не сожалеть, – говорит Эвелин.

– Понимаю. Надеюсь, вы предоставите мне кредит доверия, пока мы не убедимся, что понимаем друг друга. Даже если то, о чем мы говорим, можно интерпретировать по-разному.

Эвелин берет вилку, но есть не начинает.

– Для меня очень важно, чтобы журналист, которому я передам свое наследие, сказал именно то, что я имею в виду,

и имел в виду именно то, что я говорю. Если я пожелаю рассказать вам о моей жизни, о том, как все было на самом деле и что стояло за всеми моими браками, о фильмах, в которых я снималась, о тех, с кем я спала, кому сделала больно, как скомпрометировала себя, и куда это все меня привело, то мне нужно знать, что вы понимаете меня. Мне нужно знать, что вы слышите именно то, что я пытаюсь вам сказать, и не станете вставлять в мою историю свои предположения.

Я ошибалась. Для Эвелин тема очень даже важна. Просто о вещах огромной важности она может говорить небрежно, как бы мимоходом. Но прямо сейчас, в этот самый момент, когда она так подробно излагает свой подход к некоторым специфическим пунктам, я понимаю – это настоящее. То, что сейчас происходит. Она и в самом деле намерена рассказать мне историю своей жизни – историю, наполненную в том числе суровой, неприглядной правдой, кроющейся за ее карьерой, браками, имиджем. Она ставит себя в невероятно уязвимую позицию и дает мне громадную власть. *Почему*, этого я не знаю. Но это не отрицает того факта, что она дает мне эту власть. И моя работа заключается сейчас в том, чтобы показать, что я достойна ее и буду обращаться с ней, как со святыней.

Я откладываю вилку.

– Теперь ясно. Извините, если вела себя легкомысленно и несерьезно.

Эвелин отмахивается от моих извинений.

– Сейчас вся культура такая, легкомысленная и несерьезная. Стеб да и только.

– Вы не против, если я задам еще несколько вопросов? Как только мы со всем определимся, я сосредоточусь исключительно на том, что вы говорите и что имеете в виду, чтобы вы чувствовали, что вас правильно понимают и что никто, кроме меня, не подойдет лучше на роль хранительницы ваших секретов.

Моя искренность обезоруживает ее. Она пробует салат.

– Можете начинать.

– Если я опубликую книгу после вашей смерти, какую финансовую выгоду вы предвидите сейчас?

– Для вас или для меня?

– Давайте начнем с вас.

– Я ни на какую финансовую выгоду не рассчитываю. Не забывайте, меня здесь уже не будет.

– Да, вы упоминали об этом.

– Следующий вопрос.

Я наклоняюсь к ней и, заговорщически понизив голос, говорю:

– Это может прозвучать невежливо, но каким временем мы с вами располагаем? Не придется ли мне придерживать написанную книгу несколько лет в ожидании вашей...

– Кончины?

– Ну... да.

– Следующий вопрос.

– Что?

– Следующий вопрос, пожалуйста.

– Но вы не ответили на предыдущий.

Эвелин молчит.

– Ладно, пусть так. На какую финансовую выгоду стоит рассчитывать мне?

– Вот это уже куда более интересный вопрос. Я даже недоумевала, почему вы так долго его не задаете.

– Что ж, спросила.

– Сколько бы дней это ни заняло, мы встретимся с вами еще несколько раз, и я расскажу вам абсолютно все. После этого наши отношения закончатся, и вы будете свободны – или, точнее, связаны обязательством – написать книгу и продать ее тому, кто больше предложит. Я настаиваю на этом. Будьте безжалостны и упорны во всех переговорах. Заставьте их заплатить столько, сколько они заплатили бы белому мужчине. А потом, когда вы ее продадите, все деньги, до последнего пенни, будут вашими.

– Моими? – недоуменно спрашиваю я.

– Выпейте воды. Вы побледнели, еще в обморок упадете.

– Эвелин, ваша авторизованная биография, книга, в которой вы расскажете обо всех ваших семи браках...

– Да?

– Такая книга принесет миллионы долларов, даже если я не стану торговаться.

– Вы станете торговаться. – Она с довольным видом отпи-

вает воду.

Так или иначе вопрос необходимо задать. Слишком долго мы ходили вокруг да около.

– Но почему вы делаете это для меня?

Эвелин кивает, словно ожидала, что я спрошу ее об этом.

– Пока считайте, что это подарок.

– Но почему?

– Следующий вопрос.

– Я серьезно.

– И я серьезно. Следующий вопрос.

Нечаянно роняю вилку на скатерть цвета слоновой кости. Масло просачивается в ткань, и та темнеет и становится более прозрачной. Рубленый салат – вещь восхитительная, но в нем много лука, и я уже чувствую, как жар моего дыхания пропитывает воздух. Что же такое происходит?

– Не хочу показаться неблагодарной, но думаю, у меня есть право знать, почему одна из самых знаменитых актрис всех времен выдергивает меня из мрака безвестности и предлагает заработать миллионы долларов на ее биографии.

– Как сообщает «Хаффингтон пост», я могу продать свою автобиографию за двенадцать миллионов долларов.

– Господи.

– Любопытным хочется знать.

То, как Эвелин ведет себя, с каким удовольствием шокирует меня своими заявлениями, показывает, что это демонстрация силы. Ей нравится демонстрировать небрежность

в вещах, которые меняют жизнь других людей. Не есть ли это определение власти? Наблюдать за тем, как люди убивают себя из-за чего-то, что ничего для тебя не значит?

– Двенадцать миллионов – это много, не поймите меня неправильно... – говорит она, и ей даже не нужно заканчивать предложение, потому что мысленно я уже сделала это за нее. *Но не очень много для меня.*

– И все-таки, Эвелин? Почему? Почему я?

Эвелин смотрит на меня с каменным лицом.

– Следующий вопрос.

– При всем уважении, вы не очень-то честны.

– Я предлагаю вам шанс заработать целое состояние и взлететь на самый верх в вашей профессии. Я не обязана быть честной. По крайней мере, если именно так вы это определяете.

С одной стороны, все как будто бы элементарно. Но в то же время Эвелин не дала мне абсолютно ничего конкретно-го. Присвоив эту историю, я в худшем случае могу лишиться работы. В данный момент работа – это все, что у меня есть.

– Вы позволите мне немного подумать?

– Подумать о чем?

– Обо всем этом.

Эвелин смотрит на меня, слегка прищурившись.

– О чем тут думать?

– Извините, если это вас обижает.

– Вы ничуть меня не обидели, – резко говорит она. Ее за-

девает уже само предположение, что я могу задеть ее чем-то.

– Мне нужно многое принять во внимание, – говорю я. Меня могут уволить. Она может пойти на попятную. В конце концов, книга может элементарно не получиться.

Эвелин наклоняется ко мне.

– Например?

– Например, как быть с «Виван»? Они же считают, что получили от вас эксклюзив. Наверное, уже ищут фотографа.

– Я сказала Томасу Уэлчу, чтобы он никому ничего не обещал. Если они что-то там вообразили насчет обложки, то пусть пеняют на себя.

– Но это и меня касается. Я ведь знаю теперь, что вы ничего им не дадите.

– Ну и что?

– Так что мне делать? Вернуться в офис и сказать боссу, что вы не собираетесь давать журналу интервью, а вместо этого мы с вами пишем и продаем книгу? Знаете, как это будет выглядеть? Как будто я в рабочее время и у них за спиной сговорила с вами и украла их историю для себя.

– Это не моя проблема.

– Именно поэтому мне и нужно как следует все обдумать. Потому что это *моя* проблема.

Кажется, Эвелин принимает мои слова всерьез. Это видно хотя бы по тому, что она отставляет стакан с водой и, положив руки на стол, наклоняется вперед.

– Вам предоставляется шанс, который выпадает раз в жиз-

ни. Вы ведь это понимаете, Моник?

– Конечно.

– Так сделайте себе одолжение и научитесь брать жизнь за яйца. Пытаясь поступить правильно, вы только связываете себя, тогда как гораздо проще и выгоднее поступить по-умному.

– Вы же не думаете, что мне стоит взять и выложить начальству все начистоту? Они наверняка решат, что я сговорила с вами, чтобы поиметь их.

Эвелин качает головой.

– Когда моя команда запросила вас, ваша компания попыталась подсунуть нам кое-кого с более высокого уровня. И прислать вас они согласились только после того, как я дала понять: либо вы, либо никто. Вы же знаете, почему они так поступили?

– Потому что решили, что я не...

– Потому что для них это бизнес. Вот и вы займитесь бизнесом. Сейчас ваш бизнес пробивает крышу. Вам нужно только сделать выбор. Мы пишем книгу или нет? И знайте, если вы откажетесь, никому другому я предлагать не стану. И тогда все уйдет со мной.

– Почему вы хотите рассказать вашу историю только мне? Вы же меня не знаете. Это какая-то бессмыслица.

– Я не обязана объясняться и открывать вам глаза.

– Какую цель вы преследуете?

– Вы задаете слишком много вопросов.

– Я пришла брать у вас интервью.

– Все равно. – Она отпивает глоток воды и смотрит мне в глаза. – К тому времени, когда мы закончим, вопросов у вас уже не останется. Обещаю, я объясню все, что вы сейчас так отчаянно хотите знать. Но только когда захочу и ни минутой раньше. Распоряжаюсь здесь я. И все будет по-моему.

Я слушаю ее и понимаю, что буду набитой душой, если откажусь и уйду, какие бы условия она ни выставила. Я осталась в Нью-Йорке и отпустила Дэвида в Сан-Франциско не потому, что люблю статую Свободы. Я сделала это, потому что хочу подняться по лестнице как можно выше. Потому что хочу, чтобы мое имя, имя, данное мне отцом, засияло однажды большими четкими буквами. И это мой шанс.

– О'кей.

– О'кей. Рада слышать. – Эвелин расслабляется, снова берет стакан и улыбается. – Моник, думаю, ты мне нравишься.

Я наконец-то вдыхаю полной грудью.

– Спасибо, Эвелин. Это много для меня значит.

4

Мы с Эвелин снова в ее передней.

– Жду в моем офисе через полчаса, – говорит она и, пройдя по коридору, исчезает за углом.

– О'кей. – Я снимаю пальто и убираю его в гардероб. Пока есть время, надо бы связаться с Фрэнки. Иначе, не дождав-

шись новостей, она начнет разыскивать меня сама.

Вот только прежде хорошо бы решить, как построить разговор. Откуда мне знать, что она не попытается оттеснить меня от выгодной сделки?

Решаю, что единственный вариант – притвориться, что все идет по плану. Мой единственный план – лгать.

Я дышу.

В одном из моих самых ранних детских воспоминаний сохранилась поездка с родителями на Зума-бич в Малибу. По-моему, была еще весна, и вода не успела как следует прогреться.

Мама расстелила одеяло, воткнула зонт и расположилась на песочке, а папа подхватил меня на руки и побежал к воде. Помню ощущение невесомости в его руках. А потом он взял и поставил меня в воду. Я закричала, что вода слишком холодная.

Он согласился со мной – да, холодная, – но потом сказал: «Просто вдохни и выдохни пять раз. Готов поспорить, что тебе уже не будет холодно».

Он сам вошел воду и вдохнул и выдохнул пять раз. Я продела то же самое вместе с ним, и, конечно, папа оказался прав. Вода уже не была такая холодная.

После того случая он всегда дышал со мной, когда я уже была готова расплакаться. Когда содрала кожу на локте, когда двоюродный брат обозвал меня *орео*⁷, когда мама сказа-

⁷ Имеется в виду печенье Орео, состоящее из двух шоколадно-сахарных чер-

ла, что мы не можем взять щенка, всякий раз папа садился рядом и дышал со мной. Столько прошло лет, а у меня до сих, когда вспоминаю те моменты, сжимается сердце.

Но сейчас, в передней Эвелин, я дышу одна, чтобы сосредоточиться и успокоиться, как учил меня папа. Потом достаю телефон и набираю номер Фрэнки.

Она отвечает уже после второго гудка.

– Моник. Рассказывай. Как все идет?

– Хорошо, – отвечаю я и сама удивляюсь тому, как ровно и бесстрастно звучит мой голос. – Эвелин, в общем-то, держится так, как и следовало ожидать. Икона есть икона. Выглядит по-прежнему роскошно. Харизмы ей не занимать.

– И?

– И... дело идет.

– Она готова поговорить на другие темы, кроме платьев?

И что ей сказать? Надо же начинать прикрывать собственную задницу.

– Знаешь, сейчас она не настроена обсуждать что-то, кроме аукциона. Приходится подыгрывать, чтобы войти в доверие, а уж если получится, тогда и подтолкнуть в нужную сторону.

– Она согласится попозировать для обложки?

– Пока еще рано что-то сказать. Ты можешь мне довериться, Фрэнки, – говорю я и сама ненавижу себя за то, как искренне звучит мой голос. – Я знаю, как это важно для нас. Но

сейчас нужно убедиться, что Эвелин довольна мной, а уже потом попытаться склонить к тому, что нам нужно.

– О'кей. Разумеется, я хочу кое-чего еще, кроме комментариев о платьях, но это уже в любом случае больше того, что получили от нее за последние годы другие журналы, так что... – Фрэнки еще говорит что-то, но я уже не слушаю. Думаю о том, что она и комментариев о платьях, похоже, не получит.

Зато я получу намного больше.

– Извини, надо идти. У нас с ней разговор через несколько минут.

Я даю отбой и выдыхаю. *Справились.*

По пути в офис слышу доносящийся из кухни голос Грейс. Открываю вращающуюся дверь – Грейс подрезает стебли у цветов, перед тем как поставить их в вазу.

– Извините за беспокойство. Эвелин сказала прийти в ее офис, но я плохо представляю, как туда добраться.

– О... – Грейс откладывает ножницы и вытирает руки полотенцем. – Я вам покажу.

Поднимаюсь за ней по ступенькам в рабочую зону Эвелин. Стены здесь темно-серые, цвета древесного угля, на полу золотисто-бежевое ковровое покрытие. На больших окнах темно-синие шторы, стена напротив занята встроенными книжными шкафами. Друг против друга серо-синий диван и большой стеклянный стол.

Грейс улыбается и уходит, оставляя меня дожидаться хо-

зайку. Я кладу сумочку на диван и проверяю телефон.

– Садись за стол, – предлагает, входя, Эвелин и протягивает мне стакан воды. – Могу только предположить, как это все делается: я говорю, а ты записываешь.

– Наверное, так. – Я сажусь в офисное кресло. – Никогда раньше биографий не писала. В конце концов, я же не биограф.

Эвелин задумчиво смотрит на меня, потом садится на софу напротив.

– Позволь объяснить тебе кое-что. Моя мать умерла, когда я была ребенком, и с тех пор я жила с отцом. Скоро я поняла, что рано или поздно отец попытается выдать меня замуж за какого-нибудь своего приятеля или босса, за кого-нибудь, кто сможет ему помочь. И, если начистоту, чем дальше, тем сильнее я укреплялась в мысли, что он попытается и для себя что-то от меня поиметь.

Жили мы так бедно, что даже электричество воровали из квартиры сверху. У нас была одна розетка, подсоединенная к их цепи, и если нам нужно было электричество, мы подключались к этой розетке. Я даже свою лампу к ней подключала и сидела допоздна, готовила домашние задания.

Моя мама была святая женщина. Я серьезно. Поразительно красивая, прекрасная певица, золотое сердце. Годами, до самой своей смерти, она твердила, что мы выберемся из Адской кухни и уедем в Голливуд. Говорила, что прославится и купит нам особняк на побережье. Помню, я представля-

ла, как мы будем жить вдвоем, устраивать вечеринки, пить шампанское. А потом она умерла, и я как будто проснулась. Проснулась в мире, где ничего этого не могло случиться и где я навсегда застряла в Адской кухне.

Уже в четырнадцать я была хороша. Да, знаю, мир предпочитает, чтобы женщина не знала, какой силой обладает, но меня уже тошнило от этого. На меня засматривались, только я этим не гордилась. Не красилась, не заботилась о себе. Это тело создала не я. Но я и не собиралась сидеть и удивляться – *Черт, да неужели? Я, и правда, такая премиленькая?* – как какая-нибудь самодовольная дуручка.

Моя подруга Беверли знала в своем доме парня, электрика по имени Эрни Диас. А Эрни знал парня в «Метро-Голвин-Майер». По крайней мере, так поговаривали. И вот однажды Беверли сказала, что слышала, будто бы Эрни намылился в Голливуд – работать светотехником. В выходные я придумала причину, чтобы пойти к Беверли и как бы случайно постучаться в дверь к Эрни. Я прекрасно знала, где живет Беверли, но постучалась к Эрни и спросила: «Вы не видели Беверли Густафсон?»

Эрни было двадцать два, и красавчиком его бы никто не назвал, но и уродом он не был. Он ответил, что не видел ее, но не отвернулся, а уставился на меня, а потом прошелся по мне таким цепким взглядом, как будто изучал каждый дюйм моего любимого зеленого платья, и спросил: «А что, сладенькая, тебе шестнадцать есть?» Мне было четырнадцать,

но знаешь, что я сказала? «Да, только что исполнилось».

Эвелин многозначительно смотрит на меня.

– Понимаешь, что я хочу сказать? Когда тебе выпадает шанс изменить жизнь, будь готова сделать все, чтобы так все и случилось. Мир ничего никому не *дает*, все нужно *брать* самой. Если ты хоть что-то от меня узнаешь, то пусть вот это.

Вау.

– О'кей, – говорю я.

– Ты не была биографом, но сейчас начинаешь им становиться.

Я киваю.

– Поняла.

– Хорошо. – Эвелин откидывается на подушки. – Так с чего ты хочешь начать?

Я беру блокнот и смотрю на исписанные последние страницы. Даты, названия фильмов, ссылки на классические роли, слухи, помеченные вопросительными знаками. И, наконец, подчеркнутый несколько раз, выведенный большими буквами вопрос: «Любовь всей ее жизни, кто он?»

Большой вопрос. Центральный пункт всей книги.

Семь мужей.

Кого из них она любила больше всех? Кто был *настоящим*?

И как обыватель, и как журналист я хочу это знать. Книга начнется не с этого, но, может быть, с этого нужно начать нам с ней. Прежде чем приступить ко всем семи мужьям, я хочу

знать, кто из них значил для нее больше других.

Я поднимаю голову. Она сидит, выпрямившись, приготовившись отвечать.

– Любовь всей вашей жизни, кто он? Гарри Кэмерон?

Эвелин задумывается, потом медленно говорит:

– Не в том смысле, который ты имеешь в виду.

– Тогда в каком же?

– Гарри был самым большим моим другом. Он создал меня. И он любил меня безоговорочно. И моя любовь к нему была самой чистой. Почти такой же, как любовь к дочери. Но нет, любовью всей моей жизни он не был.

– Почему?

– Потому что был кое-кто другой.

– О'кей, кто же тогда?

Эвелин кивает, словно ждала именно этого вопроса, словно ситуация развивается именно так, как она и представляла. Но потом снова качает головой.

– Знаешь что? – Она поднимается. – Уже поздно, да?

Я смотрю на часы. До вечера еще далеко.

– Вы так думаете?

– Да, я так думаю. – Она идет ко мне и к двери.

– Ладно. – Я тоже поднимаюсь.

Эвелин обнимает меня одной рукой и выводит в коридор.

– Давай встретимся в понедельник. Тебя устроит?

– Эмм... конечно. Я что-то не то сказала? Обидела вас чем-то?

Мы спускаемся по ступенькам.

– Вовсе нет, – говорит она, рассеивая мои страхи. – Вовсе нет.

В ней чувствуется какое-то напряжение, но из-за чего оно возникло, я понять не могу. Эвелин идет со мной до передней и открывает гардероб. Я снимаю с плечиков пальто.

– Итак, в понедельник утром? – говорит она. – Что скажешь, если я предложу около десяти?

– О'кей. – Я надеваю пальто. – Если вы так хотите.

Эвелин кивает, смотрит мимо меня, но, похоже, ни на что в особенности. Потом медленно произносит:

– Я долго училась... скрывать правду. Думаю, у меня это хорошо получается. Но вот сейчас я не вполне уверена, что знаю, *как* сказать правду. Мало практики. Такое ощущение, что это противоположно самому принципу выживания. Но я это сделаю.

Не зная, что ответить, я киваю.

– Итак, в понедельник?

– В понедельник. – Она кивает. – Я буду готова.

На улице холодно. Я иду к метро, втискиваюсь в набитый пассажирами вагон, хватаюсь за поручень над головой. Потом иду домой и открываю дверь.

Сажусь на диван, включаю лэптоп и отвечаю на письма. Думаю, что бы заказать на вечер. И, лишь протянув ноги, вспоминаю, что кофейного столика уже нет. Впервые с тех пор, как ушел Дэвид, я не вспомнила о нем сразу, как только

вошла в квартиру.

И вместо одного вопроса, назойливо крутившегося весь уик-энд, с вечера пятницы до утра воскресенья: *«Как развалился мой брак?»* – звучит другой: *«Кого же все-таки любила Эвелин Хьюго?»*

5

Я снова в кабинете Эвелин. Солнце заглядывает прямо в окна и освещает ее лицо так, что его правую сторону и не рассмотреть.

Мы вместе, Эвелин и я. Персонаж и биограф. Покатили.

На ней черные легинсы и темно-синяя мужская рубашка на пуговицах и с пояском. Я в своих обычных джинсах, футболке и блейзере. Одеюсь с таким расчетом, чтобы остаться здесь на весь день и всю ночь, если понадобится. Если она разговорится, я буду рядом. Буду слушать.

– Итак...

– Итак, – говорит Эвелин, словно приглашая меня продолжать.

Я сижу за ее столом, она – напротив, на диване, и у меня такое ощущение, будто мы противники, сошедшиеся в поединке. Мне же хочется чувствовать, что мы одна команда. Потому что так оно и есть, разве нет? Хотя что-то мне подсказывает, что с Эвелин никогда нельзя быть в чем-то уверенным до конца.

Может ли она рассказать правду? Способна ли на это?

Я пересаживаюсь в кресло, поближе к софе. Кладу на колени блокнот, беру ручку, потом достаю телефон, открываю диктофон и включаю запись.

– Вы точно готовы?

Эвелин кивает.

– Все, кого я любила, ушли. Заботиться о ком-то, оберегать кого-то уже не нужно. Лгать ни к чему. Люди так пристально следили за моей придуманной жизнью, выискивая в ней самые немыслимые детали. Но теперь... нет... Пусть узнают настоящую историю. Настоящую меня.

– Отлично. Так покажите мне себя настоящую. А я позабочусь, чтобы мир вас понял.

Эвелин смотрит на меня и коротко улыбается. Похоже, я сказала то, что она хочет услышать. И, по счастливой случайности, сказала то, что думаю.

– Давайте пойдем хронологически, – предлагаю я. – Расскажите об Эрни Диасе, вашем первом муже, о том, который вытащил вас из Адской кухни.

– Хорошо. – Эвелин кивает. – Можно и с него.

Бедный Эрни Диас

6

Моя мать была хористкой в одном из небольших театров в районе Бродвея. В семнадцать лет она вместе с отцом эмигрировала с Кубы. Позже, когда подросла, я узнала, что *хористками* в то время называли также проституток. Относилось ли это к ней, не знаю. Хотелось бы думать, что нет. Не потому что в этом есть что-то постыдное, а потому что я знаю кое-что о том, каково отдаваться мужчине, когда этого не хочешь, и надеюсь, что ей не приходилось делать ничего такого.

Мне было одиннадцать, когда она умерла. Воспоминаний о ней сохранилось немного, но я помню, что от нее пахло дешевым ванилином и что она делала потрясающий *caldo gallego*⁸. Она никогда не называла меня Эвелин, только *mija*⁹, и я чувствовала себя особенной, как будто мы с ней отдельно от других. Больше всего на свете мама хотела стать кинозвездой. Она всерьез считала, что сможет вытащить нас из Адской кухни и освободиться от отца, убежав в кино.

⁸ Caldo gallego (исп.) – популярный в Галисии суп из овощей и мяса.

⁹ Доченька (исп.).

Я хотела быть такой же, как она.

Мне хотелось, чтобы мама, умирая, сказала что-нибудь трогательное, то, что я смогу взять с собой. Но мы до самого конца не знали, насколько серьезно она больна. Последними словами, которые она сказала мне, были: «*Dile a tu padre que estaré en la cama. Скажи отцу, что я лягу*».

После ее смерти я плакала только в душе, где меня никто не видел и не слышал, где я сама не могла отличить слезы от воды. Зачем я это делала, сама не знаю. Прошло несколько месяцев, прежде чем я смогла принимать душ и не плакать.

А потом, в лето после ее смерти, у меня все пошло в рост.

Начала расти и никак не желала останавливаться грудь. Уже в двенадцать лет мне приходилось рыться в старых маминых вещах в поисках подходящего лифчика. Нашла только один, но и он оказался мал. Тем не менее я его надела.

К тринадцати годам я была девушкой в пять футов и восемь дюймов ростом, с сияющими каштановыми волосами, длинными ногами, смуглой, цвета легкого загара, кожей и грудью, которая рвала пуговицы платьев. На улице на меня засматривались взрослые мужчины, и некоторые девочки в нашем доме перестали со мной дружить. Я осталась одна. Без матери, с грубияном-отцом, без подруг. В моем теле бушевала сексуальность, к которой я была совершенно не готова.

Кассиром в магазинчике «Всякая всячина» на углу был парнишка по имени Билли. Ему было шестнадцать, и его

сестра сидела рядом со мной в школе. Однажды я заглянула в магазин за конфетами, и он меня поцеловал.

Я не хотела, чтобы он меня целовал, и оттолкнула его. Он схватил меня за руку.

– Да ладно, давай.

В магазине никого больше не было, и Билли был сильнее и прижимал меня все крепче. Я поняла, что он получит свое, хочу я того или нет.

У меня был выбор: сделать это бесплатно или сделать это за бесплатные конфеты.

Три следующих месяца я брала во «Всякой всячине» все, что хотела. В обмен на это я встречалась с ним каждую субботу и позволяла снять с меня рубашку. Выбирать, в общем-то, не приходилось. Быть желанной значит удовлетворять желания. По крайней мере, так я тогда рассуждала.

Помню, он сказал однажды в темной тесной кладовой, прижимая меня спиной к деревянному ящику: «Ты можешь делать со мной, что хочешь».

Билли убедил меня, что во всем виновата я.

И я ему поверила.

«Посмотри, что ты делаешь с этими беднягами, – говорила я себе. – В этом твоя сила».

А общем, когда он бросил меня – то ли ему стало скучно со мной, то ли он нашел кого-то поинтереснее, – я испытала и облегчение, и разочарование, почувствовала себя неудачницей.

Потом был еще один такой же, для которого я снимала рубашку. Думала, так надо, но вскоре поняла, что не они должны выбирать меня, а я – их.

Проблема заключалась в том, что я никого не хотела. А если откровенно, я быстро поняла, что надо моему телу. Мне и без парней было хорошо. И осознание этого дало мне огромную силу. Сексуально меня не интересовал никто. Но я хотела *кое-чего*.

Я хотела убраться из Адской кухни.

Хотела убраться из жалкой квартиры, убежать от отца с его вечным тухлым запахом текилы на губах, от его тяжелой руки. Я хотела, чтобы кто-нибудь заботился обо мне. Хотела красивый дом и денег. Хотела другой жизни. Той, которую обещала мне мама.

Голливуд – это нечто особенное. Это и место, и чувство. Если бежишь туда, то можешь прибежать в южную Калифорнию, где всегда светит солнце, где нет закопченных зданий и грязных тротуаров, но есть пальмы и апельсиновые рощи. А еще там ждет тебя жизнь, которую показывают в кино.

Ты бежишь к нравственному и справедливому миру, где хорошие парни побеждают, а плохие проигрывают, где больно бывает только от натуги, когда пытаешься стать сильнее, чтобы в конце выиграть еще больше.

Мне понадобились годы, чтобы понять простую истину: жизнь не становится легче просто потому, что становится гламурней. Но в четырнадцать такое не понимают. Так что

я надела свое любимое зеленое платье, то, что собираюсь выставить на продажу, и постучала в дверь к парню, который, по слухам, собирался в Голливуд.

Одного взгляда на лицо Эрни Диаса мне хватило, чтобы понять – Эрни Диас рад меня видеть.

Вот за это я продала свою девственность. За поездку в Голливуд.

Мы с Эрни поженились 14 февраля 1953-го. Я стала Эвелин Диас. Мне было тогда пятнадцать, но отец подписал бумаги. Эрни наверняка подозревал, что я несовершеннолетняя, но предпочел принять мою ложь за правду, потому что его это устраивало.

Уродом он не был, но ни привлекательностью, ни умом похвастать не мог. Рассчитывать на брак с красивой девушкой ему не приходилось, и, думаю, он это понимал, а потому, когда подвернулся шанс, сумел им воспользоваться.

Через несколько месяцев мы сели в его «Плимут» 1949 года и покатали на запад. Остановились у его знакомых, и он начал работать техником. Довольно быстро появились деньги, мы немного отложили и сняли квартиру. Квартира находилась на пересечении Детройт-стрит и Де Лонгпре. Я обновила гардероб, а по уик-эндам мы могли позволить себе жаркое.

Изначально предполагалось, что мне нужно закончить среднюю школу, но проверять мой табель успеваемости Эрни не собирался, а я знала, что школа – это пустая трата вре-

мени. Я приехала в Голливуд с определенной целью и собиралась ее достичь.

Вместо занятий я каждый день отправлялась на ланч в кафе «Формоза», где проводила почти час. Об этом местечке я узнала из бульварных газет, сообщавших, что там нередко проводят время знаменитости. От кафе было рукой подать до киностудии. В этом здании из красного кирпича с названием, написанным курсивом, и черным тентом я появлялась ежедневно. Да, ход неоригинальный, но ничего другого у меня не было. Хочешь быть актрисой, сделай так, чтобы тебя открыли. И я не представляла иного варианта, кроме как болтаться в тех местах, где на тебя могут наткнуться люди из мира кино.

В общем, я шла туда каждый день и брала стакан колы.

Все это продолжалось так долго, что в конце концов даже бармену надоело притворяться, будто он не понимает, какую я веду игру.

– Послушай, – сказал он недели через три, – если хочешь сидеть и ждать, что сюда забредет Хамфри Богарт, дело твое. Но найди себе занятие. Я не позволю, чтобы кто-то целый час занимал место и отделивался стаканом колы.

Ему было, наверно, около пятидесяти, но волосы оставались густыми и темными, и он чем-то напоминал моего отца.

– Что вы от меня хотите? – спросила я.

Ничего такого, что я уже отдала Эрни, он от меня не потребовал, но бросил блокнотик и предложил попробовать

принимать заказы.

Я понятия не имела, как работают официантки, но сообщать ему об этом не стала.

– Ладно. Где начинать?

Он указал на три кабинки.

– Там первый стол. Номера остальных определишь сама.

– О'кей. Поняла.

Я слезла с барного стула и направилась ко второму столу, за которым сидели и разговаривали трое мужчин в костюмах.

– Эй, малышка, – окликнул меня бармен.

– Да?

– А ты та еще цыпа. Даю пять баксов, что у тебя получится.

Я приняла десять заказов, сделала три сэндвича и заработала четыре доллара.

Прошло четыре месяца, прежде чем Гарри Кэмерон, тогда молодой продюсер студии «Сансет», зашел в кафе с парнем с соседней студии. Они заказали по стейку, и когда я принесла чек, Гарри поднял голову, посмотрел на меня и сказал:

– Боже мой.

Две недели спустя я подписала договор со студией «Сансет».

Придя домой, я рассказала Эрни, что случилось и как удивительно, что кто-то в студии «Сансет» заинтересовался такой девчонкой, как я. Еще я сказала, что не собираюсь становиться актрисой, что это только временная забава и что главное для меня – стать матерью. В общем, выдала перво-сортную чушь.

К тому времени мне почти исполнилось семнадцать, хотя Эрни все еще думал, что я старше. Заканчивался 1954 год. Каждое утро я вставала и отправлялась на студию «Сансет».

Играть я не умела совсем, но время даром не теряла, смотрела и училась. Снялась в массовке в паре романтических комедий, произнесла одну фразу в военной картине. «А почему бы и нет?» – вот такая у меня была реплика.

В той картине я играла роль медсестры, заботящейся о раненом солдате. Доктор в шутку обвиняет парня в том, что он флиртует со мной, и я отвечаю: «А почему бы и нет?» Прозвучало это по-детски, как у какой-нибудь пятиклассницы, да еще с нью-йоркским акцентом. В то время у меня многие слова звучали с акцентом: английские я произносила, как девчонка из Нью-Йорка, испанские – как американка.

Когда фильм вышел на экраны, мы с Эрни пошли его смотреть. Эрни забавляло, что его маленькая жена снимается в кино да еще и говорит что-то. Я никогда прежде не полу-

чала много денег, а теперь зарабатывала столько же, сколько и Эрни, которого произвели в старшие техники. Однажды я спросила у него, можно ли мне пойти на платные актерские курсы. В тот вечер я специально приготовила *arroz con pollo*¹⁰ и даже не стала снимать фартук, когда принесла ему тарелку. Хотела показать, какая я домашняя и безобидная. Думала, что лучше договориться по-хорошему, чем пускать в ход угрозы. Меня, конечно, раздражало, что приходится спрашивать у него разрешение, как потратить собственные деньги. Но другого варианта я тогда не видела.

– Конечно, – сказал Эрни. – По-моему, это здорово. Научишься играть, а там, кто знает, может быть, и главную роль когда-нибудь получишь.

Может быть?

Мне хотелось его задушить.

Я буду звездой!

Конечно, потом-то я поняла, что Эрни был не виноват. Он ни в чем не был виноват. Я сказала ему, что я – другая, а потом начала злиться, что он не видит меня настоящей.

Спустя полгода я уже могла произнести целую реплику с нужным выражением. Не так, чтобы вышибить у кого-то слезу, но вполне прилично.

Я снялась еще в трех фильмах, все роли – на один день. Потом услышала, что открылась роль дочери-подрост-

¹⁰ Arroz con pollo (*исп.*) – популярное в Испании и Латинской Америке блюдо из риса с овощами и курицей.

ка Стю Купера в романтической комедии. И решила ее получить.

На то, что я сделала, решились бы не многие актрисы моего уровня. Мне духу хватило. Я постучала в дверь Гарри Кэмерона.

– Эвелин? – удивился он. – Чему обязан таким удовольствием?

– Хочу получить роль Каролины. В *«Любовь – это еще не все»*.

Гарри предложил мне сесть. Он был исполнительным директором, но выглядел для этой должности очень даже хорошо. Многие продюсеры – лысеющие толстяки, но Гарри был высоким, стройным и молодым. Я думала тогда, что он и на десять лет меня не старше. Он умел носить костюмы, а еще у него были голубые глаза. Что в нем было такое, что часто приписывают уроженцам Среднего Запада, и дело даже не в том, как он выглядел, а в том, как держался с людьми, в подходе к ним – сначала доброта, потом сила.

Гарри был одним из немногих мужчины на площадке, кто не пялился открыто на мою грудь. Меня это даже беспокоило, и я думала, что делаю что-то неправильно, поэтому он и внимания на меня не обращает. Как говорится, скажи женщине, что ее единственное умение – это быть желанной, и она тебе поверит. Я поверила в это еще до того, как мне исполнилось восемнадцать.

– Не буду обманывать, Эвелин. Ари Салливан ни за что

не одобрит тебя на эту роль.

– Почему?

– Ты не тот тип, который ему нужен.

– Что это значит?

– Никто не поверит, что ты – дочь Стью Купера.

– Я могу ею стать.

– Нет, не можешь.

– Почему?

– *Почему?*

– Да, я хочу знать почему.

– Потому что ты – Эвелин Диас.

– И что с того?

– Я не могу взять тебя на роль и притвориться, что ты не мексиканка.

– Я – кубинка.

– В нашем бизнесе это одно и то же.

Разница, конечно, была, но объяснять ее Гарри Кэмерону я даже не пыталась.

– О'кей. Тогда как насчет фильма с Гэри Дюпоном?

– Ты не сможешь составить романтическую пару с Гэри Дюпоном.

– Почему?

Гарри посмотрел на меня, словно спрашивая, неужели ему нужно повторять все еще раз.

– Потому что я *мексиканка*?

– Потому что в фильме в Гэри Дюпоном нужна симпатич-

ная блондинка.

– Я могу стать симпатичной блондинкой.

Гарри снова посмотрел на меня.

Я попробовала нажать.

– Мне это нужно, Гарри. И вы знаете, что я справлюсь.

Я одна из самых интересных девушек, которые у вас сейчас есть.

Он рассмеялся.

– Ты такая смелая. В этом тебе не откажешь.

В дверь постучала секретарша.

– Извините, что вмешиваюсь, но, мистер Кэмерон, вам нужно быть в Бербанке в час.

Гарри взглянул на часы.

Я предприняла последнюю попытку.

– Подумайте сами. Я хороша и могу быть еще лучше. Но вы не используете мой потенциал в мелких ролях.

– Мы знаем, что делаем. – Он поднялся.

Я тоже встала.

– Какой вы видите мою карьеру через три года? Роль учительницы с тремя репликами?

Гарри прошел мимо меня и открыл дверь.

– Посмотрим.

Я проиграла бой, но только укрепилась в намерении победить в войне. Увидев в столовой Ари Салливана, я уронила перед ним сумочку и, наклонившись, чтобы поднять, *случайно* посмотрела ему в глаза. Он задержал на мне взгляд,

но я выпрямилась и пошла дальше, словно ничего от него не хотела и вообще представления не имела, кто он такой.

Примерно через неделю я сделала вид, что заблудилась в административном корпусе и наткнулась на него в коридоре. Он был плотный мужчина, но ему это шло. Глаза у него были темно-карие, а на лице постоянно присутствовала щетина. И еще он так любезно улыбался. На этом я и сосредоточилась.

– Миссис Диас, – сказал он. Если я и удивилась, что он знает мое имя, то не очень.

– Мистер Салливан.

– Пожалуйста, называйте меня просто Ари.

– Ладно. Здравствуйте, Ари. – Моя рука как бы случайно коснулась его руки.

Мне было семнадцать, ему – сорок восемь.

В тот же вечер, когда секретарша ушла, я оказалась на его рабочем столе – юбка на бедрах и голова Ари между ними. Оказалось, ему нравилось орально удовлетворять несовершеннолетних девочек. Минут через семь я изобразила взрыв безумного наслаждения. Было ли мне хорошо? Не знаю. Но я была счастлива и знала, что вот так получу то, чего хочу.

Если определение *наслаждаться сексом* подразумевает, что это приятно, то тогда у меня было много секса, от которого я не получала ни малейшего удовольствия. Но если определение изменить на *наслаждаться сексом, чтобы заключить сделку*, то да, такого, о котором не хотелось бы упо-

минать, было немного.

Выходя, я увидела в кабинете Ари выстроившихся на полке «Оскар»». Глядя на них, я сказала себе, что когда-нибудь у меня тоже будет такой.

«Любовь – это еще не все» и фильм с Гэри Дюпоном, в который я хотела попасть, вышли один за другим с недельным интервалом. Первый провалился. И Пенелопа Куиллз, актриса, составившая пару Дюпону, получила ужасные отзывы.

Один из таких отзывов я вырезала из обозрения и отправила межофисной почтой Гарри и Ари с запиской: «А вот я бы это сделала».

На следующее утро я получила записку от Гарри: «ОК, ты выиграла».

Потом он пригласил меня в свой офис и сказал, что они с Ари все обсудили, и у них есть для меня потенциальные роли.

Я могла сыграть богатую наследницу-итальянку в романтической военной драме. Или Джо в «Маленьких женщинах».

Я знала, что значит сыграть Джо. Знала, что Джо – белая женщина. И все равно я хотела эту роль. Не для того я раздвигала ноги на столе, чтобы продвигаться на полшажка.

– Джо. Дайте мне Джо.

И вот так я запустила в действие звездную машину.

Гарри привел меня к студийному стилисту Гвендолин Питерс. Гвен отбелила мне волосы, обрезала их до плеч и сдела-

ла стрижку боб. Придала форму бровям. Выщипала «вдовый козырек». Потом я встретила с диетологом, которая сказала, что мне нужно похудеть ровно на шесть фунтов, для чего следует начать курить и заменить некоторые продукты капустным супом. Преподаватель дикции приказал избавиться от нью-йоркского акцента и полностью забыть испанский.

И, конечно, меня ждал трехстраничный опросник. Там было все, что касалось моей жизни. Кем работал мой отец? Чем я занимаюсь в свободное время? Есть ли у меня домашние животные?

Я изложила все как есть, и ресечер¹¹, прочитав мои откровения за один присест, покачал головой и сказал:

– О нет, нет, нет, нет. Так не пойдет. Ваша мать погибла в аварии, и вас растил отец. Он работал строителем на Манхэттене и летом, по выходным, водил вас на Кони-Айленд. Если кто спросит, вы любите теннис и плавание, и у вас сенбернар по кличке Роджер.

В студии с меня сделали не меньше сотни стоковых фотографий. С новым цветом волос и новой стрижкой. С новой, подтянутой фигурой. С белыми зубами. Вы не представляете, что со мной делали, чтобы я стала моделью. Я улыбалась на пляже, играла в гольф, бегала по улице за сенбернаром, которого позаимствовали у художника-декоратора. Я соли-

¹¹ Ресечер (англ. researcher, от research – изучать, исследовать, анализировать) – специалист, отбирающий кандидата на ту или иную должность или, как в данном случае, роль, изучающий личность актера и дающий заключение.

ла на камеру грейпфрут, стреляла из лука и поднималась по трапу на борт самолета. Не говоря уже о праздничных фотографиях. В знойный сентябрьский день я сидела в красном бархатном платье рядом с наряженным рождественским деревом и делала вид, что открываю коробку с подаренным котенком.

Люди из костюмерной последовательно и строго следовали указаниям Гарри Кэмерона, и мой образ неизменно включал обтягивающий свитер с пуговицами впереди.

Бог не наградил меня фигурой *песочные часы*, и моя задница напоминала плоскую стену – хоть картину вешай. Мужчин привлекала моя грудь, женщины восхищались лицом.

По правде говоря, я не уверена, когда именно вычислила, к чему мы стремимся, какую цель ставим. Наверное, это дошло до меня в те недели, когда проводились фотосессии.

Планировалось, что я буду являть две противоположности, сложный образ, который трудно разгадать, но за который легко ухватиться. Мне предстояло быть одновременно *наивной* и *эротичной*. То есть я как будто была слишком цельной, чтобы понять нездоровые мысли, возникающие у зрителя, когда он меня видел.

Чушь, конечно. Но воплотить такой образ было нетрудно. Иногда я думаю, что различие между актрисой и звездой в том, что звезде комфортно быть такой, какой ее хочет видеть мир. И я чувствовала себя комфортно, будучи и невинной, и соблазнительной. Пока шли пробы и проявлялись фо-

тографии, Гарри Кэмерон затянул меня в свой офис. Я знала, о чем он хочет поговорить. Знала, какую деталь осталось поставить на место.

– Как насчет Амелии Доун? По-моему, звучит неплохо, а? Мы сидели вдвоем в его офисе, он – за столом, я – в кресле.

Я подумала.

– Что-нибудь с инициалами Э.Х? – Мне хотелось получить что-нибудь поближе к имени, которое дала мама, Эвелин Эррера¹².

– Эллен Хеннеси? – Он покачал головой. – Нет, слишком консервативно.

Я посмотрела на него и предложила то, что придумала прошлой ночью, но с таким видом, будто придумала только сейчас.

– А как насчет Эвелин Хьюго?

– Отдает французским. – Гарри улыбнулся. – Мне нравится.

Я встала и пожала ему руку, а когда уже взялась за ручку двери, Гарри остановил меня.

– Еще один момент.

– О'кей.

– Я прочитал твои ответы в опроснике. – Он смотрел мне в глаза. – Ари очень доволен твоими успехами. Считает, что у тебя большой потенциал. Студия полагает, что было бы по-

¹² По-испански фамилия Эррера – Herrera.

лезно, если бы ты встретилась кое с кем, появилась в городе с парнями вроде Пита Грира и Брика Томаса. Может быть, даже с Доном Адлером.

В «Сансете» Дон Адлер был самым популярным актером. Его родители, Мэри и Роджер Адлер, блистали в кино в 30-е. Дон принадлежал к голливудской элите.

– Что, какая-то проблема? – спросил Гарри. Он не стал упоминать Эрни, потому что знал – в этом нет необходимости.

– Никаких проблем, – сказала я. – Абсолютно.

Гарри кивнул и протянул мне визитку.

– Позвони Бенни Моррису. Он адвокат. Занимался разводом Руби Рейлли и Мака Риггза. Он поможет все уладить.

Придя домой, я сказала Эрни, что ухожу от него.

Он проплакал шесть часов подряд, а потом, уже под утро, когда я легла рядом с ним, сказал:

– *Bien*¹³. Если ты так хочешь.

Студия дала ему расчет, а я оставила прочувственное письмо, написав, как мне больно покидать его. Все это было неправдой, но я чувствовала, что обязана закончить наш брак тем же, с чего начала – притворными словами любви.

Я не горжусь тем, как обошлась с ним, причинила ему боль, и это далось мне непросто.

Но я также знаю, что должна была покончить с Адской кухней. Я знаю, каково оно, когда не хочешь, чтобы твой

¹³ Хорошо (*исп.*).

отец смотрел на тебя слишком пристально или ненавидел тебя и бил, или любил чуточку чересчур. И я знаю, что чувствуешь, когда видишь перед собой будущее – мужа, представляющего собой новую версию твоего отца, с которым ты ложишься в постель, когда меньше всего этого хочешь, и которому ты готовишь на обед только бисквиты и консервированную кукурузу, потому что на мясо не хватает денег.

Как я могу осуждать четырнадцатилетнюю девчонку, которая делала все, что в ее силах, чтобы вырваться из города? И как я могу судить восемнадцатилетнюю девушку, которая вырвалась из брака, когда это стало возможно и безопасно?

В конце концов Эрни женился на женщине по имени Бетти, подарившей ему восьмерых детей. По-моему, он умер в начале 90-х, успев многократно стать дедушкой.

Полученные от студии деньги Эрни внес в качестве первого взноса за дом в Мар-Виста, неподалеку от студии «Фокс». Больше я о нем не слышала.

Так что, если судить по пословице, что все хорошо, что хорошо кончается, то можно сказать так: нет, я не жалею.

7

– Эвелин, – говорит Грейс, входя в комнату. – У вас через час обед с Ронни Билманом. Просто хотела напомнить.

– Ах да, верно. Спасибо. – Грейс выходит, и Эвелин поворачивается ко мне. – Продолжим завтра? В то же время?

– Да, отлично. – Я начинаю собирать вещи. Пока сидела, моя левая нога затекла, и теперь я постукиваю ею по полу, стараясь привести ее в порядок.

– Как, по-твоему, пока идет? – Эвелин поднимается и идет меня провожать. – Сможешь из этого сделать историю?

– Я могу сделать все.

– Вот молодчина, – смеется Эвелин.

* * *

– Как дела? – спрашивает мама, когда я отвечаю на звонок. Вопрос общий, но я понимаю – она хочет спросить: *как ты живешь без Дэвида?*

– Нормально. – Я кладу сумку на диван и иду к холодильнику. Мама в самом начале предупреждала, что Дэвид, возможно, не самая лучшая для меня пара. Мы встречались с ним несколько месяцев, прежде чем я привела его домой на День благодарения.

Ей понравилось, что он вежливый, что помог накрыть на стол и убрать потом посуду. Но утром, прежде чем он проснулся в наш последний день в городе, она спросила, связывает ли нас с Дэвидом что-то значимое. И добавила, что не «видит этого».

Я заметила, что ей и не нужно ничего видеть и что я это *чувствую*.

Но ее вопрос застрял у меня в голове. Иногда он звучал

шепотом, иногда отдавался громким эхом.

Позвонив ей, чтобы сказать, что мы обручились – примерно через год после самого события, – я надеялась, что она поймет, какой он добрый, как беспроblemно он вошел в мою жизнь. С ним все было легко, все получалось без усилий, и в те дни это представлялось такой редкостью, такой ценностью. И все равно я беспокоилась, что она снова заговорит о своих опасениях, напомнит, что я ошиблась.

Она не заговорила, не напомнила. Наоборот – поддерживала и помогала.

Делала ли она это из уважения к моему решению, но без одобрения?

– Я тут подумала... – говорит мама, когда я открываю дверцу холодильника. – Нет, правильное сказать, я разработала план.

Достаю бутылку пеллегрино, пластиковый контейнер с помидорами-черри и ванночку с сыром буррата.

– О нет... Что ты сделала?

Она смеется. У нее такой чудесный смех. Беззаботный, юный. У меня он другой, несообразный. То громкий, то хриплый. Иногда он звучит старчески. Дэвид говорил, что старческий и есть самый настоящий, потому что ни один здравомыслящий человек не пожелает себе такого смеха. Когда же я так смеялась в последний раз?

– Пока я ничего еще не сделала. Пока все в стадии замысла. Но я подумываю приехать к тебе.

Секунду-другую я молчу, взвешиваю за и против, с усилием пережевывая слишком большой кусок сыра. Против: она станет критиковать все, что ношу в ее присутствии. За: она приготовит макароны с сыром и кокосовый пирог. Против: каждые три секунды будет спрашивать, все ли у меня в порядке. За: по крайней мере, несколько дней я буду возвращаться не в пустой дом.

Проглатываю.

– О'кей. Отличная идея. Я смогу сводить тебя на шоу... может быть.

– Слава богу. Я уже заказала билет.

– Мама...

– Что? Если бы ты была против, я бы от него отказалась. Но ты же не против. Так что все замечательно. Буду недели через две. Тебя устроит?

Что это случится, я поняла уже тогда, когда мама отказалась от части часов в частной средней школе, где долгое время возглавляла отделение предметов естественно-научного цикла. Как только она сказала, что уходит, оставляя себе лишь два класса, я поняла, что освободившееся время ей нужно чем-то заполнить.

– Да, устроит. – Я режу помидорки и поливаю их оливковым маслом.

– Хотела убедиться, что ты не возражаешь. И не надо...

– Знаю, мам, – перебиваю я. – Понимаю. Спасибо, что приедешь. Будет здорово.

Здорово может и не быть. Но будет хорошо. Это как пойти на вечеринку после не самого лучшего дня. Знаешь, что не хочешь, и понимаешь, что не пойти нельзя. Пусть даже не повеселишься, но уйти из дома бывает полезно.

– Ты получила мою посылку? – спрашивает она.

– Какую посылку?

– С папиными фотографиями?

– Нет, не получила.

Мы обе молчим, потом мама раздраженно произносит:

– Господи, я все жду, когда ты что-то скажешь, но и у моего терпения есть границы. Как у тебя идет с Эвелин Хьюго? Я умираю от любопытства, а ты ничего не говоришь!

Я наливаю пеллегрино и говорю, что Эвелин и откровенна, и в то же время ее трудно понять. Потом сообщаю, что свою историю она решила отдать мне, а не «Виван». Она хочет, чтобы я написала книгу.

– Что-то я запуталась. Она хочет, чтобы ты написала ее биографию?

– Да. Это, конечно, интересно и заманчиво, но в этом есть что-то странное. Думаю, она с самого начала не собиралась иметь дела с журналом. Думаю, она... – Я сама не знаю, что именно пытаюсь сказать.

– Что?

– Мне кажется, – медленно говорю я, – она использовала «Виван», чтобы заполучить меня. Не знаю... не уверена, но Эвелин очень расчетливая. Она что-то затеяла. Что?

– А я и не удивляюсь, что ей нужна ты. Ты талантливая, умная...

Я закатываю глаза – мама такая предсказуемая, но мне все равно приятно.

– Не знаю, мам. Но тут есть что-то еще. Я уверена.

– Звучит как-то зловеще.

– Пожалуй.

– Мне уже начинать беспокоиться? То есть тебя это беспокоит?

– Я как-то об этом не задумывалась, но раз уж ты так ставишь вопрос, то нет. Я не столько обеспокоена, сколько заинтригована.

– Что ж, в таком случае обязательно поделись всем со своей матерью. Я рожала тебя двадцать два часа и заслужила это.

Я смеюсь, и получается немного по-стариковски.

– Ладно. Обещаю.

* * *

– О'кей, – говорит Эвелин. – Мы готовы?

Она на своем месте, я – на своем, за столом. Грейс принесла поднос с черничными маффинами, две белые чашки, кофейник и сливочник из нержавеющей стали. Я встаю, наливаю себе кофе, добавляю сливки и возвращаюсь к столу.

– Да, готовы. Поехали. Что было дальше?

Проклятый Дон Адлер

8

«Маленькие женщины» стали для меня той самой морковкой, которую вешают перед носом осла. Едва я стала «Эвелин Хьюго, Юной Блондинкой», как «Сансет» представил список из самых разных фильмов, в которых они планировали мое участие. В основном это были тупые сентиментальные комедии.

Я согласилась по двум причинам. Во-первых, ничего другого мне не оставалось, потому что все карты были у них. А во-вторых, потому что моя звезда восходила быстро.

Первым таким фильмом, в котором я получила звездную роль, стал «Отец и дочь». Его сняли в 1956-м. Роль моего овдовевшего отца исполнил Эд Бейкер. По сюжету мы с ним одновременно влюблялись в разных людей. Он – в свою секретаршу, я – в его ученика.

Тогда же Гарри принялся активно подталкивать меня к партнерству с Бриком Томасом.

Звездой и кумиром молодежи он стал еще в юном возрасте и тогда же вообразил себя новоявленным мессией. Даже стоя рядом с Бриком, я ощущала исходящие от него вол-

ны самолюбования.

Встретились мы одним пятничным вечером в компании Гарри и Гвендолин Питерс неподалеку от ресторана «У Чейзена». Гвен подобрала для меня платье, чулки и туфельки на высоком каблуке и сделала модную прическу. Брик явился в брюках-дангари и футболке, и Гвен нашла для него симпатичный костюм. К месту встречи все поехали на новеньком малиновом «Кадиллаке» Гарри.

Едва мы с Бриком вышли из машины, как нас сразу принялись фотографировать. Предназначенная нам круглая кабинка оказалась тесной, и мы едва поместились в ней вдвоем. Я заказала «ширли темпл».

– Тебе сколько лет, дорогуша? – спросил Брик.

– Восемнадцать, – ответила я.

– Держу пари, у тебя на стене моя фотография, а?

Мне с трудом удалось удержаться и не выплеснуть ему в физиономию содержимое бокала. Вместо этого я вежливо улыбнулась и сказала:

– А как ты узнал?

Пока мы сидели, нас не оставляли в покое фотогафы. Приходилось притворяться, будто мы их не замечаем, шутим, смеемся и держимся за руки.

Через час мы вернулись вместе с Гарри и Гвендолин и переоделись в обычную одежду.

Перед тем как расстаться, Брик повернулся ко мне и с улыбкой произнес:

– Завтра только о нас и будут говорить.

– Наверняка.

– Дай знать, если захочешь подкинуть им тему для сплетен.

Мне бы промолчать, мило улыбнуться и уйти, но я не смогла:

– Не жди, не надейся.

Брик посмотрел на меня, рассмеялся и помахал на прощание, как будто ничего обидного не услышал.

– Как вы можете верить в этого парня? – спросила я. Гарри уже ждал меня у машины и даже открыл мне дверцу.

– Этот парень приносит нам кучу денег, – ответил он, когда я села.

Гарри сел за руль, повернул ключ зажигания, но с места не тронулся, а посмотрел на меня.

– Я не говорю, что ты должна встречаться с актерами, которые тебе не нравятся. Но проводить время с кем-то, кто тебе симпатичен, пойдет на пользу и тебе, и студии. Публике это нравится.

Я-то по наивности думала, что с притворством покончено, что мне не нужно больше делать вид, как я дорожу вниманием каждого встречного мужчины.

– О'кей. Постараюсь.

Зная, что это пойдет на пользу и моей собственной карьере, я, скрипя зубами, сходила на свидание с Питом Гриром и Бобби Донованом.

Но потом Гарри организовал мою встречу с Доном Адлером, и я забыла, почему мне с самого начала не нравилась эта идея.

* * *

Дон Адлер пригласил меня в «Мокамбо», несомненно, самый популярный тогда клуб в городе, и заехал за мной на машине.

Открыв дверь, я увидела его у порога – в пошитом на заказ костюме и с букетом лилий. Я была в туфельках на каблуках, и он оказался лишь на несколько дюймов выше. Светло-каштановые волосы, карие глаза, квадратный подбородок и улыбка, увидев которую, вы и сами начинаете улыбаться в ответ. Такой же улыбкой славилась его мать, и от нее она перешла к сыну.

– Тебе, – сказал он и, протянув цветы, немного застенчиво улыбнулся.

– Они прелестны. – Я взяла цветы и отступила в сторону. – Входи. Да входи же. Я поставлю их в воду.

На мне было коктейльное платье с горловиной лодочкой изумрудно-зеленого цвета, волосы я собрала в высокую прическу.

– Это вовсе не обязательно, – сказала я, доставая вазу и наливая в нее воду.

Дон вошел в кухню и остановился, ожидая меня.

– Ну, мне так захотелось. Я уже давненько не даю покоя Гарри, прошу устроить нашу встречу. Так что это меньшее, чем я мог тебя порадовать.

Я поставила вазу на стол.

– Идем?

Дон кивнул и взял меня за руку.

– Видел «Отца и дочь», – заметил он, когда мы сели в его открытый автомобиль и поехали в направлении Сансет-Стрип.

– Вот как?

– Да. Ари показал мне неотредактированную версию. Говорит, картина будет хитом. И ты, по его мнению, тоже.

– А ты сам что думаешь?

Мы остановились на красный свет на Хайленде. Дон посмотрел на меня.

– Думаю, ты самая роскошная женщина из всех, кого я видел в жизни.

– Перестань. – Я невольно рассмеялась и даже зарделась от смущения.

– Правда. И у тебя настоящий талант. Когда фильм закончился, я посмотрел на Ари и сказал: *Эта девушка для меня.*

– Нет...

Дон поднял руку.

– Честное скаутское.

Дон Адлер ничем не отличался от других мужчин, а значит, не должен был произвести на меня какое-то особенное

впечатление. Он не был симпатичнее Брика Томаса, не был серьезнее Эрни Диаса и мог предложить статус звезды независимо от того, люблю я его или нет. Но есть вещи, которые не объяснишь логикой разума. Так что я виню феромоны.

И, конечно, то, что, по крайней мере, вначале Дон Адлер обращался со мной как с личностью. Есть люди, которые, едва увидев красивый цветок, спешат его сорвать. Они хотят держать его в руках, хотят обладать им. Хотят, чтобы его красота принадлежала только им. Дон таким не был. Он был счастлив находиться рядом, любоваться, ценить красоту.

В этом вся штука, когда выходишь замуж за парня вроде Дона Адлера. Ты говоришь ему: *«Ты был счастлив тем, что мог просто ценить эту красоту, что ж, теперь она твоя. Владей ею»*.

В «Мокамбо» мы веселились всю ночь. Там все было серьезно. Толпы желающих прорваться в клуб снаружи, теснота внутри. Там тусовались знаменитости. Столики, за которыми сидели известные всем люди, невероятные сценические номера, высокие потолки и птицы повсюду. Настоящие живые птицы в стеклянных вольерах.

Дон познакомил меня с несколькими актерами из «МГМ» и «Уорнер бразерс». Там была Бонни Лейкленд, которая только что ушла во фриланс и успешно снялась в картине «Деньги, милый». Не раз и не два я слышала, как Дона называли принцем Голливуда, и мне это нравилось. В какой-то момент он наклонился ко мне и прошептал: «Они меня недо-

оценивают. Уже скоро я стану королем».

Мы остались в «Мокамбо» далеко за полночь и танцевали столько, что уже едва стояли на ногах. Каждый раз, когда заканчивалась песня, мы говорили, что не встанем из-за столика, но начиналась новая, и мы снова не могли усидеть на месте и выходили на танцпол.

Дон отвез меня домой; улицы были пусты в поздний час, лишь кое-где в домах горели огни. Когда мы подъехали, он проводил меня до двери, но не стал напрашиваться в гости, а только сказал:

– Когда я смогу снова тебя увидеть?

– Позвони Гарри и договорись с ним.

Он положил руку на дверь.

– Нет. По-настоящему. Ты и я.

– И фотографии?

– Если ты так захочешь. Если не захочешь, то и мне они не нужны. – Он улыбнулся своей милой, дразнящей улыбкой.

Я рассмеялась.

– Ладно. Как насчет следующей пятницы?

Дон на секунду задумался.

– Можно тебе сказать кое-что?

– Если хочешь.

– В следующую пятницу у меня встреча с Натали Эмбер в «Трокадеро».

– О...

– Это все из-за имени. Адлер. «Сансет» старается выжать

из меня по возможности всю славу.

Я покачала головой.

– Не думаю, что дело только в имени. Я видела «Братьев по оружию». Ты великолепен. Публика любит тебя.

Дон посмотрел на меня застенчиво и улыбнулся.

– Ты так думаешь?

Я рассмеялась. Он знал, что так оно и есть, и ему просто нравилось слышать это от меня.

– Вот этого удовольствия я тебе не доставлю.

– Жаль.

– Хватит об этом, – сказала я. – Ты знаешь, когда я свободна. А дальше поступай, как пожелаешь.

Он выпрямился и слушал меня так, словно я отдавала ему приказ.

– О'кей, я отменю встречу с Натали. Заеду за тобой в пятницу в семь.

Я улыбнулась и кивнула.

– Спокойной ночи, Дон.

– Спокойной ночи, Эвелин.

Я начала закрывать дверь, но он остановил меня, подняв руку.

– Тебе понравилось сегодня?

Я задумалась. Что сказать? Как сказать? А потом не удержалась – впервые за всю жизнь мне было так весело с кем-то.

– Один из лучших вечеров в моей жизни.

Дон улыбнулся.

– В моей тоже.

На следующий день наша фотография появилась в журнале «Sub Rosa»¹⁴ с такой подписью: «Дон Адлер и Эвелин Хьюго подходящая пара».

9

Фильм «Отец и дочь» имел огромный успех. Показателем того, какое значение «Сансет» придавал моей новой персоне, стало мое имя под названием фильма – «В главной роли Эвелин Хьюго». Это было в первый и последний раз.

В день премьеры я думала о матери. Я знала, что она была бы счастлива. *«Мы это сделали, – сказала бы я ей. – Мы обе вырвались оттуда».*

Фильм прошел хорошо, и я думала, что теперь «Сансет» даст зеленый свет «Маленьким женщинам». Но Ари хотел как можно скорее задействовать нас с Эдом Бейкером в другой картине. Сиквелов в то время не снимали. Фактически мы сделали тот же самый фильм с другими именами и слегка измененными персонажами.

Назывался он «Соседи». Эд играл роль моего дяди, который взял меня к себе после смерти моих родителей. А дальше мы оба завели романтические отношения с соседями: он с овдовевшей матерью, а я с ее сыном.

¹⁴ Sub Rosa – латинское крылатое выражение, дословный перевод – «под розой». Соответствует русскому «тайно», «по секрету».

В то же самое время Дон снимался в каком-то триллере и во время ланча частенько навещал меня.

Я была совершенно без ума от него и впервые в жизни охвачена любовью и страстью. Стоило ему появиться, я ментально вспыхивала, я постоянно искала возможность дотронуться до него, придумывала причины вспомнить о нем в разговоре, когда его не было рядом.

Гарри уже осточертело слышать о нем.

– Сладкая моя, я серьезно, – сказал он мне однажды, когда мы с ним вдвоем выпивали в его офисе. – Я сыт по горло этой твоей болтовней о Доне Адлере. – К Гарри я тогда заходила едва ли не каждый день – просто так, посмотреть, чем он занят. Обставлялось это как деловые визиты, но я знала, что ближе его у меня никого нет.

Конечно, к тому времени я подружилась с другими актрисами «Сансета», особенно моей любимой Руби Рейли. Высокая, худощавая, со взрывным смехом, она казалась со стороны несколько отстраненной, но никогда не лезла за словом в карман и могла очаровать почти любого. Иногда мы с Руби и некоторыми другими девушками собирались небольшой компанией во время ланча и обсуждали происходящее на площадке и сплетничали, но, по правде говоря, ради роли я бы любую из них толкнула под приближающийся поезд. Думаю, каждая из них поступила бы точно так же со мной.

Близость невозможна без доверия. И мы были бы последними идиотками, если бы доверяли друг другу.

С Гарри было иначе.

С ним мы хотели одного и того же. Мы хотели, чтобы имя Эвелин Хьюго знали в каждом доме. А еще мы друг другу нравились.

– Можно поговорить о Доне, а можно о том, когда же вы дадите зеленый свет «Маленьким женщинам», – сказала я.

Гарри рассмеялся.

– Это не по моей части, как ты прекрасно знаешь.

– Тогда почему же Ари тянет кота за хвост?

– Прямо сейчас ты и сама не хочешь сниматься в «Маленьких женщинах». Всем лучше, и тебе в том числе, если мы подождем несколько месяцев.

– Я совершенно определенно хочу сниматься прямо сейчас.

Гарри покачал головой, поднялся и плеснул себе в стакан скотча. Предлагать мне второй martini он не стал, потому что знал, что уже и первый был с его стороны большой ошибкой.

– Ты и в самом деле можешь далеко пойти. Все так говорят. Если «Соседи» покажут себя не хуже, чем «Отец и дочь», и вы с Доном продолжите в том же духе, ты можешь высоко подняться.

– Знаю, – сказала я. – На это и рассчитываю.

– Ты хочешь, чтобы «Маленькие женщины» вышли ровно тогда, когда люди думают, что ты умеешь только одно.

– Ты о чем?

– С «Отцом и дочерью» ты попала в десятку. Публика знает, что ты умеешь быть забавной. Тебя можно обожать. Люди знают, что ты понравилась им в этом фильме.

– Конечно.

– Теперь тебе нужно сделать это снова. Показать, что ты умеешь творить магию, что ты не тот пони, которого научили исполнять один трюк.

– Ладно, пусть так, но...

– Может быть, ты сделаешь картину с Доном. В конце концов, на одной фотографии, где вы танцуете в «Сиро» или «Трокадеро», далеко не уедешь.

– Но...

– Выслушай меня. Вы с Доном сниметесь вместе. В чем-нибудь легком, романтическом. Чтобы все девушки захотели быть тобой, а все парни захотели быть *с тобой*.

– Отлично.

– И вот тогда, когда все будут думать, что знают тебя, что они «раскусили» Эвелин Хьюго, ты сыграешь Джо. Ты всех их ошарашаешь. И тогда каждый зритель подумает про себя: «Я знал, что она особенная».

– Но почему я не могу сыграть Джо сейчас? И тогда они подумают это *сейчас*?

Гарри покачал головой.

– Потому что тебе нужно дать им время, чтобы увлечься тобой. Тебе нужно дать им время, чтобы узнать тебя и привыкнуть к тебе.

– Хочешь сказать, что я должна быть предсказуемой.

– Ты должна стать предсказуемой, а потом сделать что-то совершенно непредсказуемое, и публика полюбит тебя навсегда.

Я выслушала его. Подумала.

– Не вешай лапшу мне на уши.

Гарри рассмеялся.

– Послушай, это план Ари. И неважно, нравится он тебе или нет. Он хочет снять тебя в еще нескольких картинах и только потом запустить «Маленьких женщин».

– Ладно, – согласилась я, потому что ничего другого мне не оставалось. Мой контракт со студией был рассчитан еще на три года. Если бы я стала доставлять неприятности, они воспользовались бы своим правом избавиться от меня в любое время. Могли отдать меня другим, заставить участвовать в чужих проектах, отправить в отпуск без оплаты – в общем, поступить со мной, как им заблагорассудится. Я была собственностью «Сансет».

– Твое дело, – продолжал Гарри, – проверить, сможете ли вы с Доном выдать хит. Это в ваших общих интересах.

Я рассмеялась.

– А, теперь *ты* хочешь поговорить о Доне.

Гарри улыбнулся.

– Не хочу сидеть и слушать, какой он чудесный и восхитительный. Это скучно. Мне нужно знать, можете ли вы играть вместе.

Нас с Доном видели уже повсюду в городе, нас фотографировали во всех горячих точках Голливуда: мы обедали в «Дэн Тана'с», приезжали на ланч в «Вайн-стрит дерби», играли в теннис в «Бeverли-Хиллз теннис клуб». Мы знали, что делаем, красуясь на глазах у публики.

Им было нужно, чтобы имя Дона упоминалось вместе с моим, а Дону было нужно показать себя частью Нового Голливуда. Закрепить этот образ прожигателя жизни и должны были фотографии, показывающие нас двоих вместе с другими звездами.

Но мы с ним никогда об этом не говорили, потому что и на самом деле были счастливы вместе. Тот факт, что это помогало нашим карьерам, служил дополнительным бонусом.

Вечером, в день премьеры его фильма «Большие неприятности», Дон заехал за мной в модном темном костюме и коробочкой от «Тиффани» в руке.

– Что это? – Я только что надела черное с пурпурным платье от Кристиана Диора.

– Открой, – с улыбкой предложил Дон.

Внутри лежало огромное обручальное кольцо, платиновое с бриллиантом.

Я ахнула.

– Так ты...

Я знала, что все идет к этому. Дон так хотел спать со мной, что это буквально убивало его. Я же сопротивлялась, несмотря на все его старания, но с каждым днем сдерживаться ста-

новилося все труднее. Чем чаще мы целовались в темных местечках, чем чаще оказывались на задних сиденьях лимузинов, тем труднее мне было отталкивать его.

Раньше такого физического влечения, такого нестерпимого желания я не испытывала. Никогда мне не хотелось – до дрожи, до боли, – ощутить *прикосновение*. Рядом с Доном я так жаждала его ласк.

Мне все больше нравилась сама мысль заниматься с кем-то любовью. Секс у меня был и раньше, но то было совсем другое. Я хотела любить Дона. И хотела, чтобы мы сделали это тут же, прямо сейчас.

И вот оно. Предложение.

Я протянула руку к кольцу, чтобы дотронуться до него, убедиться, что оно настоящее, но не успела – Дон закрыл коробочку.

– Я не прошу тебя выйти за меня, – сказал он.

– Что? – Я вдруг почувствовала себя душой. Надо же, позволила себе раз мечтаться. Вообразила, что Эвелин Эррера, выдающая себя за Эвелин Хьюго, может выйти замуж за кинозвезду.

– По крайней мере, пока.

Я попыталась скрыть разочарование и отвернулась, чтобы взять сумочку.

– Не дуйся, – сказал Дон.

– А кто дуетя?

Мы вышли из квартиры, и я закрыла за собой дверь.

– Я собираюсь сделать это вечером, – почти извиняющимся тоном произнес он. – На премьере. Чтобы все видели.

Я смягчилась.

– Мне просто хотелось убедиться... хотелось знать... – Дон схватил меня за руку и опустился на колено. Коробочку он не раскрыл и только посмотрел на меня умоляюще. – Ты примешь мое предложение?

– Нам пора, – напомнила я. – Нельзя опаздывать на премьеру собственного фильма.

– Ты примешь мое предложение? – повторил он. – Это все, что мне нужно знать.

Я посмотрела на него.

– Да, дурачок. Я без ума от тебя.

Он схватил меня и поцеловал. Получилось немного больно, потому что он укусил меня в нижнюю губу.

Я собиралась выйти замуж. На этот раз за того, кого любила. За того, кто вызывал у меня те чувства, которые я до тех пор лишь изображала в кино.

Как же далеко я была от той жалкой квартиры в Адской кухне.

Часом позже, на красном ковре, перед морем фотографов и репортеров, Дон Адлер опустился передо мной на колено.

– Эвелин Хьюго, ты выйдешь за меня?

Я всхлипнула и кивнула. Он поднялся и надел кольцо мне на палец. А потом подхватил на руки и закружил.

Оказавшись снова на земле, я увидела у дверей кинотеат-

ра Гарри Кэмерона. Он похлопал вместе со всеми и подмигнул мне.

«SUB ROSA»

4 марта 1957

ДОН И ИВ – НАВСЕГДА!

Народ, вы узнаете это первыми: новейшая пара Голливуда,

Дон Адлер и Эвелин Хьюго связывают себя узами!

Самый Завидный из Самых Завидных Женихов выбрал невестой

Восхитительную блондинку-старлетку. Их видели вместе –

Двух нежно воркующих голубков, и вот теперь они решили

Оформить отношения официально.

По слухам, Мэри и Роджер Адлер, родители красавчика Дона,

Счастливы принять Эвелин в свою семью.

Можете поставить ваш последний доллар на то, что свадьба станет

Главным событием сезона. Весь город будет говорить только

О них – блестящей голливудской семье и прекрасной невесте.

У нас была чудесная свадьба. Гостями – их набралось три сотни человек – занимались Мэри и Роджер Адлер. Подружкой невесты была Руби. Я надела платье из тафты под розовыми рельефными кружевами, с рукавами до запястий и кружевной юбкой. Идея принадлежала Вивиан Уорли, главной костюмерше «Сансет». Прической занималась Гвендолин – она стянула волосы назад, собрала в незамысловатый, но идеальный пучок и прикрепила к нему тюлевую вуаль. Какого-то своего свадебного плана у нас не было; почти все строго контролировалось Мэри и Роджером и людьми со студии.

Дону полагалось сыграть ровно ту роль, которую наметили для него родители. Но уже тогда я видела, как он старается выйти из их тени, превзойти их звездные достижения. Ему с детства внушили, что слава – это единственная достойная стремления цель, и мне нравилось в нем то, что он всегда был готов стать центром внимания в любой компании, потому что все его обожали. И пусть в глазах одних наша свадьба была причудой, наши чувства любви и преданности друг другу были искренними и священными. Когда мы с Доном посмотрели в глаза друг другу и, держась за руки, произнесли «да» в зале отеля «Бeverли-Хиллз», весь мир исчез для нас, хотя там собралась добрая половина Голливуда.

Ближе к концу вечера, уже после того, как отзвенели свадебные колокола и нас объявили супружеской парой, Гарри отвел меня в сторонку и спросил, как я себя чувствую.

– Прямо сейчас я – самая знаменитая невеста в целом мире. И чувствую себя великолепно.

Гарри рассмеялся.

– Будешь счастлива? С Доном? Он позаботится о тебе?

– Нисколько в этом не сомневаюсь.

В глубине души я верила, что нашла того, кто понимает меня или во всяком случае ту меня, которой я старалась стать. В девятнадцать лет мне казалось, что Дон – это мой хеппи-энд.

Гарри обнял меня одной рукой.

– Рад за тебя, малышка.

Прежде чем он убрал руку, я успела схватить ее. После двух бокалов шампанского мне было легко и весело.

– Как так получилось, что ты никогда ничего не предпринимал? Мы же знаем друг друга несколько лет. Ты даже в щечку меня не поцеловал.

– В щечку, если хочешь, поцелую, – улыбнулся Гарри.

– Я не это имела в виду, ты прекрасно знаешь, о чем я.

– А ты хотела, чтобы что-то случилось? – спросил он.

Меня не тянуло к Гарри Кэмерону, хотя он, несомненно, был привлекательным мужчиной.

– Нет, не думаю.

– Но ты хотела бы, чтобы я хотел, чтобы что-то случилось?

Я улыбнулась.

– А если и так? Разве это плохо? Я – актриса, не забывай об этом.

Гарри рассмеялся.

– Что ты актриса, это у тебя на лице написано. Я об этом ни на один день не забываю.

– Тогда почему, Гарри? В чем дело? Скажи мне правду.

Гарри сделал глоток скотча и убрал руку.

– Это трудно объяснить.

– Попробуй.

– Ты молода.

Я качнула головой.

– Большинство мужчин, как мне кажется, не считают это проблемой. Мой муж, например, на семь лет меня старше.

Я посмотрела на мать Дона, танцующую в центре зала. Мэри и в пятьдесят с небольшим оставалась роскошной женщиной. Прославилась она в эпоху немого кино, но до ухода успела сняться в нескольких звуковых. Высокая, представительная, с лицом, характеризующее прежде всего хотелось сказать *поразительное*.

Гарри сделал еще глоток и поставил стакан на стол.

– История эта долгая и непростая, – задумчиво сказал он. – Что же касается твоего вопроса, то отвечу так: ты не мой тип.

По тому, как Гарри это произнес, я поняла, что он намекает на что-то. Он не интересуется девушками вроде меня.

Он вообще не интересуется девушками.

– Ты мой самый лучший друг, – сказала я. – Ты ведь знаешь?

Он улыбнулся, как мне показалось, с облегчением. Пусть и не напрямую, Гарри признался и все объяснил, а я приняла его признание и объяснение.

– Знаю?

Я кивнула.

– Ну, тогда ты будешь моей.

Я подняла бокал.

– Лучшие друзья рассказывают друг другу все.

Он поднял стакан и усмехнулся.

– На это ты меня не возьмешь. И не надейся.

Продолжить разговор нам не дал Дон.

– Не против, Кэмерон, если я потанцую со своей невестой?

Гарри поднял руки.

– Она вся твоя.

– Так оно и есть.

Я взяла Дона за руку, и мы закружились в танце. Он посмотрел мне в глаза, в самую их глубину.

– Ты любишь меня, Эвелин Хьюго?

– Больше всего на свете. А ты любишь меня, Дон Адлер?

– Люблю твои глаза, твою грудь, твой талант. Люблю за то, что у тебя ничего нет сзади. Люблю в тебе все. Так что сказать *да* было бы преуменьшением.

Я рассмеялась и поцеловала его. Вокруг все танцевали. Отец Дона, Роджер, курил сигару в уголке с Ари Салливаном. Прежняя жизнь осталась далеко-далеко позади, как и прежняя я, та девушка, которой понадобился когда-то Эрн Диас.

Дон привлек меня к себе, прижался губами к уху и прошептал:

– Я и ты. Мы будем править этим городом.

Мы прожили в браке два месяца, прежде чем он начал меня бить.

11

На седьмой неделе брака мы с Доном отправились в Пуэрто-Вальярта, сниматься в слезливой мелодраме «Еще один день». Герои картины – богатая девушка Диана, которая проводит лето с родителями в их втором доме, и местный парень Фрэнк, который в нее влюбляется. Разумеется, вместе они быть не могут, потому что родители против.

Наши первые недели брака были блаженством. Мы купили дом в Беверли-Хиллз и украсили его мрамором и тканями. Почти каждый уик-энд мы устраивали поло-вечеринки, пили шампанское и коктейли и гуляли едва ли не до утра.

В сексе Дон был настоящий король и любовью занимался с уверенностью и властью человека, в подчинении у которого целая армия. Я таяла и изнемогала под ним и в нуж-

ный момент исполняла все, чего он хотел.

Дон как будто щелкал во мне переключателем, менявшим женщину, для которой секс – инструмент, на женщину, для которой секс – потребность. Он был нужен мне. Я оживала под его взглядом. Брак показал другую сторону меня самой, ту сторону, которую я только начала узнавать. И она мне нравилась.

Когда мы приехали в Пуэрто-Вальярта, то несколько дней до начала съемок провели в городе, где арендовали лодку. Мы выходили в океан, плавали и ныряли, занимались любовью на песке.

Но потом начались съемки, ежедневный стресс, и в нашем новеньком свадебном коконе появились первые трещинки. Я почувствовала, что настроение меняется.

Последний на то время фильм Дона «Стрелок в Пойнт-Дьюме» прошел без ожидавшегося финансового успеха. Это был его первый опыт в жанре вестерна и первая попытка сыграть героя боевика. В «ФотоМоменте» как раз появилась рецензия, в которой говорилось, что «Дон Адлер не Джон Уэйн». «Голливуд дайджест» написал так: «С револьвером в руке Адлер выглядит глупо». Я видела, что критика его беспокоит, вызывает неуверенность. Утверждение себя в качестве образца мужественности было важной частью его плана. Адлер-старший играл в основном в сумасбродных комедиях; Дон же намеревался доказать, что может быть ковбоем.

Не помогал и тот факт, что мне достался приз зрительских симпатий как «Лучшей восходящей звезде». В день съемок эпизода прощания, в котором Диана и Фрэнк в последний раз целуются на пляже, мы с Доном проснулись рано в нашем арендованном домике, и он сказал мне приготовить завтрак. Не *попросил*, заметьте, а приказал. Тем не менее я не стала обращать внимания на тон и позвонила служанке. Служанкой была мексиканка по имени Мария. Когда мы только прибыли, я сомневалась, что смогу разговаривать с местными на испанском, а потом вдруг начала общаться на нем – медленно, смешивая с английским, – со всеми.

– Мария, будь добра, приготовь мистеру Адлеру что-нибудь на завтрак, – сказала я в трубку и, повернувшись к Дону, спросила: – Что ты хочешь? Кофе и яичницу?

Наша служанка в Лос-Анджелесе Пола готовила ему завтрак каждое утро и прекрасно знала, что ему нравится. Я же вдруг поняла, что не имею представления о его вкусах и никогда не обращала на это внимания.

Дон выхватил из-под головы подушку и, прижав к лицу, что-то закричал в нее.

– Что на тебя нашло? – спросила я.

– Если уж не можешь сама приготовить завтрак, постарайся бы, по крайней мере, уяснить, что мне нравится. – С этими словами он направился в ванную.

Было неприятно, но не скажу, что я сильно удивилась. Я уже успела понять, что Дон добр, только когда доволен,

а доволен он только тогда, когда выигрывает. Я познакомилась с ним в тот период, когда он выигрывал, вышла замуж на его подъеме. Теперь же приходило понимание, что милый Дон – это еще не весь Дон.

После завтрака мы сели во взятый напрокат «Корвет» и отправились на съемочную площадку, находившуюся в десяти кварталах от дома.

– Ты готов? – спросила я, рассчитывая поднять ему настроение.

Дон остановился посередине дороги и повернулся ко мне.

– Я работаю профессиональным актером дольше, чем ты живешь. – С чисто формальной точки зрения он был прав, потому что еще ребенком появился в одном из немых фильмов с участием Мэри. Сниматься всерьез он начал в двадцать один год.

За нами следовало еще несколько машин; мы задерживали движение.

– Дон... – Я надеялась, что муж опомнится и двинется дальше, но он меня не слушал. Стоявший за нами белый грузовик попытался протиснуться мимо.

– Знаешь, что сказал мне вчера Алан Томас?

Алан был новым агентом Дона и советовал ему уйти из «Сансета» на вольные хлеба. В то время все больше актеров решались сами управлять своей судьбой. Дон нервничал, дергался и не знал, что делать. Он постоянно твердил, что одной картиной заработал больше, чем его родители всей сво-

ей карьерой.

Берегись мужчин, которым есть что доказывать.

– В городе все спрашивают, почему ты осталась Эвелин Хьюго.

– Я сменила имя совершенно законно. Что ты имеешь в виду?

– На афише. Там должно быть «Дон и Эвелин Адлеры». Так все говорят.

– Кто говорит?

– Люди.

– Какие люди?

– Они думают, что хозяин в доме ты.

Я покачала головой.

– Не говори глупости.

Объехать нас попыталась еще одна машина, и я уже представляла, что вот сейчас нас с Доном узнают, а потом в журнале «Sub Rosa» целая страница будет посвящена любимой паре Голливуда, на которой нас изобразят вцепившимися друг другу в горло под язвительным заголовком.

Наверное, что-то такое мелькнуло в голове у Дона, потому что он повернул ключ, и мы тронулись. Когда мы въехали на автостоянку, я посмотрела на часы и сказала:

– Поверить не могу, мы опоздали на сорок пять минут.

А Дон добавил:

– Ну, мы же Адлеры, нам можно.

Мне это совершенно не понравилось. Дождавшись, когда

мы остались в трейлере вдвоем, я сказала:

– Когда ты так говоришь, дерьмом начинает пахнуть. Иногда, если рядом люди и тебя могут услышать, бывает лучше помолчать.

Он как раз снимал пиджак. В любой момент могли прийти костюмеры. Мне надо было просто уйти в свой трейлер и оставить его в покое.

– Думаю, у тебя сложилось неверное впечатление, – возразил Дон.

– Это как же так?

– Мы не равны, любимая, – заявил он мне в лицо. – И мне жаль, что я позволил тебе забыть это.

Я не нашлась, что ответить.

– Думаю, это твой последний фильм. Тебе пора подумать о детях.

Карьера складывалась не так, как хотелось бы, и Дон решил, что если ему не суждено стать самой большой знаменитостью в семье, то он не позволит сделать это мне.

Я посмотрела на него.

– Нет. И заруби это себе на носу.

И тогда он ударил меня по лицу. Резко, сильно, больно.

Я даже не поняла, как это случилось. Щека полыхнула от удара, а я не могла поверить, что *меня* ударили.

Если вас никогда не били по лицу, то позвольте сказать вам кое-что – это унижительно. Прежде всего потому, что к глазам подступают слезы, независимо от того, плачете вы

или нет. Шок и сила удара стимулируют слезные протоки.

Получить оплеуху и выглядеть при этом стойком – невозможно. В ваших силах только сохранить достоинство, не сдвинуться с места, и пусть лицо горит, а под глазом расцветает синяк.

Это я и сделала. Ведь меня уже бил отец.

Я потрогала скулу и почувствовала, как горит под ладонью кожа.

В дверь постучал помощник режиссера.

– Мистер Адлер, мисс Хьюго с вами?

Дон ответить не смог.

– Одну минутку, Бобби, – сказала я и с гордостью обнаружила, что голос звучит естественно, без малейшего напряжения и уверенно. Как у женщины, на которую никто и никогда не поднимал руку.

Я не могла посмотреться в зеркало. Дон стоял спиной к нему и загораживал собой.

– Заметно? – спросила я.

Дон едва смог взглянуть на меня, после чего молча кивнул. Он походил на оробевшего мальчишку, который только и ждет, что я сейчас спрошу, не он ли разбил у соседей окно.

– Выйди и скажи, что у меня женские проблемы. Он смутится и расспрашивать не станет. Потом скажи своей костюмерше, чтобы ждала тебя в моей комнате. И пусть Бобби скажет моей, чтобы пришла сюда через полчаса.

– О'кей. – Дон схватил свой пиджак и вышел.

Я тут же заперла дверь и привалилась к стене. Теперь, когда он не мог их видеть, слезы хлынули сами собой.

От того места, где родилась, я уехала за три тысячи миль. Мне удалось оказаться в нужном месте в нужное время. Я сменила имя. Перекрасила волосы и сделала стрижку. Я поставила новые зубы и научилась играть. Обзавелась друзьями. Вышла замуж и вошла в знаменитую семью. Мое имя знали во всей Америке.

И все же...

И все же...

Я выпрямилась, отступила от стены и вытерла глаза. Собралась с силами и взяла себя в руки.

Потом села за туалетный столик, перед тремя зеркалами с подсветкой. Какой же глупой я была, думая, что вот стану кинозвездой, попаду в положенную мне по статусу примерную, и все проблемы развеются сами собой.

Через пару минут в дверь постучала Гвендолин – пора заняться волосами.

– Одну секунду! – крикнула я.

– Эвелин, надо поторопиться. Вы уже опаздываете по расписанию.

– Одну секунду!

Я посмотрела на себя в зеркало и поняла, что быстро красноту не убрать. Вопрос заключался в том, можно ли довериться Гвен. Похоже, ничего другого мне не оставалось. Я встала и открыла дверь.

– Ох милая, ты ужасно выглядишь, – сказала она.

– Знаю.

Она присмотрелась внимательнее и все поняла.

– Ты упала?

– Да, упала. Прямо лицом на стол. Скула пострадала сильнее всего.

Мы обе знали, что я лгу.

Я и по сей день не уверена, зачем Гвен спросила, упала ли я. Хотела ли она избавить меня от необходимости лгать или ободряла таким образом и предлагала успокоиться?

Я была не единственной, кого били. И многие женщины вели себя так же, как я тогда. Существовал определенный социальный кодекс, первое правило которого гласило: молчи.

Через час меня доставили на съемочную площадку. Нам предстояло снять сцену на берегу. Дон сидел сзади режиссера, в кресле, деревянные ножки которого утопали в песке. Он сразу подбежал ко мне.

– Как ты себя чувствуешь, дорогая? – с такой искренней заботой спросил он, что на мгновение я даже засомневалась – может быть, ничего не случилось?

– Я в порядке. Давайте займемся делом.

Все заняли свои места. Звукорежиссер включил микрофоны. Осветители проверили, все ли в порядке с освещением. Я отогнала посторонние мысли.

– Подождите, подождите! – закричал режиссер. – Ронни,

что у нас происходит... — Он отошел от камеры.

Прикрыв микрофон, Дон положил руку мне на грудь и прошептал на ухо:

— Эвелин, мне так жаль.

Я отстранилась и посмотрела на него. Никто и никогда не извинялся за то, что ударил меня.

— Я не должен был поднимать на тебя руку. — Его глаза наполнились слезами. — Мне так стыдно. Стыдно за то, что я сделал. — Он жалобно поморщился. — Я сделаю все, чтобы заслужить твое прощение.

Может быть, жизнь, к которой я стремилась, была не так уж далека.

— Ты можешь меня простить?

Может быть, все было ошибкой. Может быть, это вообще ничего не значило.

— Конечно, могу.

Режиссер побежал к камере, и Дон убрал руки с микрофонов и отступил.

— И... начали!

За «Еще один день» нас обоих номинировали на награды Академии. Все сошлись на том, что дело отнюдь не в нашем таланте. Людям просто нравилось видеть нас вместе.

Я и по сей день не уверена, что мы действительно настолько хороши в этой картине. «Еще один день» — единственный фильм с моим участием, который я так и не смогла заставить

себя посмотреть.

12

Мужчина бьет тебя, просит прощения, и ты думаешь, что ничего такого больше не случится.

Но потом ты говоришь, что не уверена, хочешь ли иметь детей, и он бьет тебя снова. Ты оправдываешь его – мол, сама виновата, сказала не так, как надо, грубовато. Конечно, когда-нибудь и ты захочешь детей. Наверняка. Ты просто сомневаешься, что сумеешь совместить семью и кино. Надо было объяснить это все яснее.

На следующее утро он просит прощения и приносит цветы. Опускается перед тобой на колени.

Третий раз случается, когда вы расходитесь во мнении насчет того, идти в «Романовфс» или остаться дома. Он прижимает тебя спиной к стене, и ты понимаешь, что речь идет о публичном имидже вашего брака.

Четвертый – после того, как вас обоих обнесли «Оскарами». Ты в шелковом, изумрудно-зеленом платье на одно плечо. Он – в смокинге с фалдами. На афтерпати он, заливая обиду, выпивает лишнего. Ты собираешься сесть на переднее сиденье автомобиля. Он расстроен из-за того, что проиграл.

Ты говоришь, что все о'кей.

Он говорит, что ты ничего не понимаешь.

Ты напоминаешь, что тоже проиграла.

Он говорит, что, мол, да, но твои родители – хлам с Лонг-Айленда, и от тебя никто ничего не ждет.

Тебе бы пропустить это мимо ушей, но ты говоришь: «Я из Адской кухни, болван».

Он открывает дверцу и вытаскивает тебя из машины.

На следующее утро он приползает к тебе в слезах, но ты уже не веришь ему. Но все заканчивается тем же, чем и раньше. Ты прощаешь его ровно так же, как чинишь дырку в платье или заклеиваешь трещинку в окне. Я приняла эту роль с извинениями и прощениями, потому что так легче, чем докапываться до корня проблемы, я уже вошла в нее, когда в один прекрасный день в мою гримерную заглянул с хорошими новостями Гарри Кэмерон. «Маленьким женщинам» дали зеленый свет.

– Ты играешь Джо, Рейли – Мег, Джой Натан – Эми, а Селия Сент-Джеймс – Бет.

– Селия Сент-Джеймс? Из студии «Олимпиен»?

Гарри кивнул.

– Ты хмуришься? А я думал, обрадуешься.

– Ох... – Я повернулась к нему. – Я рада. Правда, рада.

– Тебе не нравится Селия Сент-Джеймс?

Я улыбнулась.

– Боюсь, буду бледно выглядеть на фоне этой малолетней сучки.

Гарри откинул голову и рассмеялся.

Внимание прессы Селия привлекла в начале года. Девятнадцатилетняя девушка, она сыграла овдовевшую мать в военной драме. Все только и говорили, что в следующем году она обязательно получит номинацию. Именно такую студия и хотела на роль Бет.

И именно такую особу мы с Руби на дух не переносили.

– Тебе двадцать один, ты замужем за величайшей звездой современности, и тебя только что номинировали на «Оскар».

Гарри был прав, но и я тоже. Селия могла стать проблемой.

– О'кей. Я готова. Я выложусь на все сто, так что зрители, посмотрев кино, будут спрашивать: «Бет? Это кто? А, средняя сестра, та, которая умирает? А что с ней?»

– Нисколько в этом не сомневаюсь. – Гарри обнял меня одной рукой. – Ты восхитительна, Эвелин. И это знает весь мир.

Я улыбнулась.

– Ты действительно так думаешь?

Это то, что должен знать о звездах каждый. Нам нравится слышать, что нас обожают, и мы хотим, чтобы это повторяли как можно чаще. Уже в более поздние времена люди часто подходили ко мне с такими словами: «Вы, конечно, устали слушать все эти восторги и восхваления», и я всегда, как бы в шутку, отвечала: «О, еще разок лишним не будет». Но правда в том, что похвала сродни наркотику. Чем больше ее

получаешь, тем больше ее требуется, чтобы сохранять равновесие.

– Да, я действительно так думаю.

Я поднялась со стула, чтобы обнять Гарри, но повернулась так, что моя щека, с синяком под глазом, попала под свет.

Гарри тут же пробежал взглядом по моему лицу.

Конечно, он все увидел: синяк, который я старательно скрывала, темное пятно под кожей, кровоподтек, проступающий из-под макияжа-панкейк.

– Эвелин...

Он дотронулся до моей щеки подушечкой большого пальца, словно хотел убедиться, что синяк настоящий.

– Гарри, не надо.

– Я его убью.

– Нет, не убьешь.

– Мы лучшие друзья, Эвелин. Ты и я.

– Я знаю. Знаю.

– Ты сама сказала, что лучшие друзья рассказывают друг другу все.

– Чепуха, ничего серьезного.

Я посмотрела на него, а он на меня.

– Позволь мне помочь. Что я могу сделать?

– Сделай так, чтобы в каждой сцене я была лучше Селии, лучше всех.

– Я не то имел в виду.

– Но это то, что ты можешь сделать.

– Эвелин...

Я осталась непреклонна.

– Нет, Гарри, ничего не будет.

Он понял, о чем речь. Я не могла уйти от Дона Адлера.

– Я мог бы поговорить с Ари.

– Я люблю его. – С этими словами я отвернулась и стала надевать серьги.

Да, так оно и было. У нас с Доном возникали проблемы, но проблемы случаются у каждого. Из всех мужчин только он один зажигал во мне что-то. Иногда я ненавидела себя за то, что хочу его, за то, что оживаю, стоит лишь ему появиться и обратить на меня внимание, за то, что мне по-прежнему требовалось его одобрение. Но так было. Я любила его и хотела, чтобы он был со мной, в моей постели. И еще я хотела оставаться в лучах славы.

– Разговор окончен.

Через секунду в дверь постучали – пришла Руби Рейли. В то время она снималась в драме, где играла молодую монахиню, и теперь стояла перед нами в черной тунике.

– Ты слышала? – обратилась ко мне Руби. – Ну конечно, слышала, здесь же Гарри.

Гарри рассмеялся.

– Вы обе приступаете к репетициям через три недели.

Руби игриво шлепнула его по руке.

– Нет, не это! Ты слышала, они берут Селию Сент-Джеймс на роль Бет? Эта шлюшка затмит всех нас.

– Видишь, Гарри? – сказала я. – Селия Сент-Джеймс все испортит.

13

Утро, когда мы приступили к репетициям «Маленьких женщин», началось с того, что Дон подал мне завтрак в постель. Половину грейпфрута и зажженную сигарету. Я сочла жест в высшей степени романтическим, потому что именно этого и хотела.

– Удачи тебе сегодня, милая, – пожелал он, когда, уже одевшись, направился к двери. – Уверен, ты покажешь Селии Сент-Джеймс, что значит быть настоящей актрисой.

Я улыбнулась, пожелала ему хорошего дня, съела грейпфрут и, оставив поднос на кровати, пошла в душ.

Когда я вышла, наша служанка Пола прибиралась в спальне и как раз поднимала с покрывала окурок. Вообще-то я оставила его на подносе, но он, должно быть, скатился.

Порядок, аккуратность и чистота в доме – это не по моей части. Одежда, в которой я была накануне вечером, валялась на полу, шлепанцы лежали на туалетном столике, полотенце – в раковине.

Пола была создана для такой работы и ко мне относилась без особого почтения. Мы обе это понимали.

– Ты можешь заняться этим позже? – сказала я. – Ужасно жаль, но я жутко спешу.

Она вежливо улыбнулась и вышла.

Вообще-то я не спешила, а просто хотела одеться не на глазах у служанки. Не хватало только, чтобы она увидела темно-багровый и уже желтеющий синяк у меня на ребрах.

Когда я сказала, что, похоже, сломала ребро, Дон покачал головой.

– Нет, милая, нет. Ты в порядке? – Он спросил таким участливым тоном, словно накануне меня толкнул кто-то другой.

– Думаю, в порядке, – ответила я, как последняя дуручка. Плохо было то, что синяк никак не проходил.

Секундой позже дверь распахнулась, и в комнату ворвалась Пола.

– Извините, миссис Адлер, я совсем забыла...

– Ради бога, Пола! – запаниковала я. – Я просила вас выйти!

Служанка молча повернулась и вышла. Больше всего меня раздражало, что если она собиралась продать какую-то историю, то почему не эту? Почему она не рассказала миру, что Дон Адлер бьет жену? Почему вылила грязь на меня?

* * *

Через два часа я была на съемочной площадке «Маленьких женщин». Звуковой павильон превратился в домик в Новой Англии с заснеженными окнами.

Мы с Руби уже объединились в борьбе с Селией Сент-Джеймс, чтобы не позволить ей украсть у нас успех, даже несмотря на то что любая актриса, играющая Бет, способна заставить публику достать носовые платки.

Нельзя говорить актрисе, что, мол, прилив все лодки поднимает¹⁵. С нами это не работает.

Но уже в первый день репетиций, пока мы с Руби пили кофе в перерыве, стало ясно, что Селия Сент-Джеймс понятия не имеет, как мы все ее ненавидим.

– Господи, – сказала она, подходя к нам с Руби. – Мне так страшно.

На ней были серые брюки и бледно-розовый свитерок с короткими рукавами. Самое обычное, ничем не примечательное лицо. Большие и круглые бледно-голубые глаза под длинными ресницами, губы бантиком и длинные волосы цвета спелой земляники. Она была идеальна в своей простоте.

Я обладала той красотой, превзойти которую, как знали все женщины, невозможно. Что касается мужчин, то они знали, что никогда не посмеют приблизиться к такой женщине, как я.

Руби воплощала элегантность и шик. Руби была холодна и безмятежна.

С Селией все было иначе. Глядя на нее, каждый чувство-

¹⁵ Прилив все лодки поднимает (*англ.* rising tide lifts all boats) – высказывание, ошибочно приписываемое Дж. Ф. Кеннеди.

вал, что если разыграет карты наилучшим образом, то может удержать ее в руках и даже жениться на ней.

Мы с Руби прекрасно понимали, как опасна и сильна эта ее мнимая доступность.

Селия поджарила кусочек хлеба, намазала его арахисовым маслом и откусила кусочек.

– И чего же ты боишься? – поинтересовалась Руби.

– Не представляю, что мне нужно делать! – призналась Селия.

– Перестань, ты же не думаешь, что мы вот так легко возьмем и поверим во всю эту ерунду, – сказала я.

Она посмотрела на меня. И сделала это так, что я испытала странное ощущение, будто раньше никто и не смотрел на меня по-настоящему. Даже Дон.

– Ты меня обижаешь.

Мне стало немножко не по себе. Но показывать это я не собиралась.

– У меня и в мыслях не было тебя обидеть.

– Именно этого ты и добивалась, – сказала Селия. – По-моему, ты немного циник.

Руби, моя ненадежная подруга, сделала вид, будто ее зовет администратор, и ушла.

– Мне просто трудно поверить, что женщина, которой весь город сулит номинацию в следующем году, сомневается в своих способностях сыграть Бет Марш. Во всей картине эта роль самая трогательная.

– Если так, если ты в этом уверена, то почему не взяла ее сама? – спросила Селия.

– Я старовата для нее. Но все равно спасибо.

Селия улыбнулась, и я поняла, что сыграла ей на руку.

Вот с того момента Селия Сент-Джеймс и начала мне нравиться.

14

– Давай с этого завтра и продолжим, – говорит Эвелин. Солнце давно село. Оглянувшись, я замечаю разбросанные по всей комнате остатки завтрака, ланча и обеда.

– О'кей.

– Кстати, – добавляет она, когда я уже встаю. – Мой агент по рекламе получил сегодня имейл от вашего редактора. Просит о фото для обложки на июньский номер.

– О... – Фрэнки уже несколько раз пыталась со мной связаться, и я знаю, что должна позвонить ей, ввести в курс дела. Просто я не уверена, каким будет мой следующий шаг.

– Я так понимаю, что ты не рассказала им о плане.

– Еще нет. – Я убираю в сумку лэптоп. Мне неприятна проскользнувшая в ответе нотка застенчивости.

– Хорошо, – говорит Эвелин. – Не собираюсь тебя судить, если тебя это беспокоит. Видит бог, я не поборница правды.

Я смеюсь.

– Ты сделаешь то, что нужно сделать.

– Сделаю.

Я просто не знаю, что именно сделаю.

* * *

За дверью дома меня дожидается посылка от мамы. Беру ее и обнаруживаю, что она необычайно тяжелая. В результате я просто толкаю ее ногой по выложенному плиткой полу, потом втаскиваю по лестнице, преодолевая ступеньку за ступенькой, и наконец втягиваю в квартиру.

Коробка доверху набита папиными фотоальбомами. В правом нижнем углу каждого четкая надпись – «Джеймс Грант». Забыв обо всем на свете, опускаюсь на пол и начинаю просматривать альбомы один за другим.

Фотографии режиссеров на съемочной площадке, знаменитых актеров, скучающей массовки – кого здесь только нет. Отец любил свою работу. Ему нравилось снимать людей, не обращающих на него ни малейшего внимания.

Помню однажды, примерно за год до смерти, он уехал на два месяца в Ванкувер. Мы с мамой дважды навещали его, но там было намного холоднее, чем в Лос-Анджелесе. Я спросила его почему. Почему он не нашел работу дома? Почему согласился взять эту?

Он ответил, что хотел заняться чем-то таким, что воодушевило бы его. «Когда-нибудь, Моник, тебе тоже придется это сделать. Когда постареешь. Тебе придется найти такую

работу, которая возносит тебя, а не опускает. Понимаешь? Обещаешь мне это?» – Он протянул руку, и я пожала ее, как будто мы скрепили какой-то деловой договор. Мне было тогда шесть. А когда исполнилось восемь, его уже не было с нами.

Я всегда хранила в сердце сказанное им. В подростковые годы я ощущала потребность найти такую страсть, которой могла бы отдаться всей душой. Дело это было нелегкое. В средней школе, когда отца давно уже не было, я попробовала и театр, и оркестр. Попыталась вступить в хор. Испытала свои силы в футболе и публичных дебатах. В какой-то момент, показавшийся прозрением, я даже занялась фотографией, надеясь, что она вознесет меня, как когда-то вознесла отца.

Но только когда в первый год учебы в университете Южной Калифорнии мне дали задание написать очерк о товарище по группе, я ощутила в груди что-то похожее на воодушевление. Мне понравилось писать о реальных людях. Понравилось находить такие интерпретации реального мира, которые откликались в сердцах. Понравилась идея связывать людей, рассказывая их истории.

Следуя зову этой части сердца, я поступила в школу журналистики при Нью-Йоркском университете. Потом была практика на Нью-Йоркском общественном радио. Я работала фрилансером, жила от чека до чека, кое-как сводя концы с концами, пока не попала в «Дискурс», где познакомилась

с Дэвидом, занимавшимся там редизайнингом сайта, потом в «Виван», а вот теперь к Эвелин.

Слова, сказанные отцом в холодный день в Ванкувере, стали, по сути, основой всей моей жизненной траектории.

Послушала бы я его, если бы он не умер? Цеплялась бы за каждое сказанное им слово так крепко, если бы его советы не ощущались как завет?

В конце последнего фотоальбома нахожу много снимков, сделанных, похоже, не на съемочной площадке, а на барбекю. На одном из них узнаю на заднем плане маму, на другом – нахожу себя с родителями.

На фотографии мне не больше четырех. Я держу в руке кусочек торта и смотрю прямо в камеру. Мама держит меня, а папа обнимает рукой нас обоих. В то время многие все еще звали меня по первому имени – Элизабет. Элизабет Моник Грант.

Мама полагала, что со временем я стану Лиз или Лизи. Но отцу всегда нравилось имя Моник, и он называл меня только так. Я частенько напоминала ему, что меня зовут Элизабет, а он отвечал, что я могу зваться любым именем, какое только мне нравится. Когда он умер, мы с мамой поняли, что мне нужно быть Моник. Мы почтили его желание, чуточку смягчив тем самым боль. Так второе имя стало первым. И мама часто напоминает, что оно – подарок папы.

Глядя на фотографию, я вдруг замечаю, что они прекрасно смотрятся вместе. Джеймс и Анджела. Я знаю, чего им

стоило построить жизнь и вырастить меня. Белая женщина и черный мужчина в начале 80-х; брак, не обрадовавший ни одну, ни другую семью.

Мы часто переезжали до смерти папы, стараясь найти район, где родители чувствовали бы себя спокойно, как дома. Мою мать плохо принимали в Болдуин-Хиллз. Мой отец не чувствовал себя комфортно в Брентвуде.

Только в школе я встретила девочку, выглядевшую так же. Ее звали Яэль. Ее отец был доминиканцем, а мать из Израиля. Ей нравилось играть в футбол. Мне нравились игры с переодеванием. Мы почти ни в чем не сходились. Но мне нравилось, как Яэль отвечала, когда ее спрашивали, еврейка ли она: «Я еврейка наполовину». Никто из моих знакомых не был *наполовину* кем-то.

Долгое время я ощущала себя двумя половинками.

После смерти отца я чувствовала себя одной маминой половинкой и одной потерянной половинкой. Без той, оторванной, половинки я ощущала себя неполной.

Но на фотографии 1986 года мы трое – я в комбинезончике, папа в рубашке поло и мама в джинсовой курточке – смотримся как одно целое. Я ничуть не похожа на две половинки, я – одно, единое и любимое.

Я скучаю по папе. Скучаю постоянно. Но вот в такие моменты, когда заканчивается работа, которая может возвысить, мне так хочется хотя бы написать ему письмо и рассказать о том, что я делаю. И чтобы он ответил.

Я уже знаю, что бы он написал. Что-то вроде «горжусь тобой. Люблю». Но все равно я хотела бы его получить.

* * *

– Итак, – говорю я. Это место за столом Эвелин стало чем-то вроде второго дома. Я уже рассчитываю на утренний кофе от Грейс. Он заменил мне привычный «Старбакс». – Начнем с того, на чем остановились вчера. Вы подошли к началу съемок «Маленьких женщин». Поехали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.